

ДЖОАНН ХАРРИС

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЛОКИ

Магия жизни

Джоанн Харрис
Евангелие от Локи

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Харрис Д.

Евангелие от Локи / Д. Харрис — «Эксмо», 2014 — (Магия жизни)

ISBN 978-5-699-90427-3

Автор бестселлеров «Шоколад», «Ежевичное вино» и многих других создала удивительный роман о скандинавских богах, человеческих слабостях и приключениях. О похождениях самого знаменитого плута и задиры Джоанн Харрис написала от первого лица – и добилась удивительного эффекта достоверности, так что невозможно не проникнуться сочувствием к ее герою. Локи никогда не отличался скромным нравом и дружелюбным характером. Да и с чего бы это, ведь он бог хитрости и обмана! Но даже богам, пусть и великим обманщикам, не уйти от судьбы. Локи поведаст историю своего путешествия в глубины Хаоса, расскажет о многочисленных подвигах, совершенных ради одноглазого Одина, падении небесного города Асгарда и, конечно же, о предательстве, которое ему так знакомо!

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-90427-3

© Харрис Д., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Слова благодарности	6
Действующие лица:	7
Популярные боги:	8
Менее популярные боги	9
Маленькое предисловие	10
Книга первая. Свет	12
Урок первый. Лед и пламень	12
Урок второй. Асы и ваны	15
Урок третий. Кровь и вода	21
Урок четвертый. Приветствие и гостеприимство	29
Урок пятый. Каменные блоки и известковый раствор	34
Урок шестой. Конь и ловушка	41
Урок седьмой. Волосы и красавица	46
Урок восьмой. Прошлое и настоящее	49
Урок девятый. Молот и щипцы	54
Урок десятый. Иголлка и нитка	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Джоанн Харрис

Евангелие от Локи

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

И вновь, вновь... посвящается Анушке!

Слова благодарности

Сердечное спасибо всем, кто помогал моей книге перебраться на этот берег реки Сновидений и проникнуть в ваши души и на ваши книжные полки.

Джону Вуду из «Орион Букс» достается руна настойчивости, юмора и энтузиазма.

Джиллиан Редферн из «Голланц» – руна энергии и воображения.

Дженн МакМенеми – руна успеха (это одновременно и руна шоколада), а Джемайме Форрестер – руна связи и информации.

Руну сказочного оформительского искусства получает Андреас Прейс; руну умения доставать нужные вещи – Софи Калдер, а Энн Рейли – руну умения оставаться на плаву, даже когда бумажная волокита грозит всех утопить.

Бекка Мароволо достойна руны, укрепляющей веру в себя даже в тех случаях, когда больше никто в тебя не верит; а Марк Ричардс награждается руной умения незаметно преображать мир, пока все остальные спят.

Ну, а Кевин и Анушка получают свою руну – руну острейшей мексиканской еды, горячих поцелуев и очень горячего чая, и все это при полном понимании того, откуда ты родом и где твое место.

Нужно пройти все Девять миров, чтобы написать книгу – во всяком случае, так мне представляется с моего места за письменным столом.

Огромная благодарность издателям, редакторам, корректорам, художественным редакторам, художникам, рекламщикам, книготорговцам, дизайнерам сайтов и, разумеется, вам, читателям книг, поклонникам Твиттера и блогерам, мечтателям и фэнам – всем, кто просто открывает дверь и входит в те миры, которые мы, писатели, создаем. Друг без друга мы бы просто не могли существовать. Так что моя последняя руна для вас. Вы все знаете, что это за руна. Пожалуйста, обращайтесь с ней осторожно.

Действующие лица:

Всех героев, перечисленных ниже, вы встретите на страницах этой книги. Маленький совет, прежде чем вы начнете читать: *никому из них не верьте.*

Популярные боги:

Один – он же Одноглазый, Всеотец, Старик, Генерал и так далее¹. Предводитель асов. Хорошо знает, как выгодно продать себя (и других). Ради собственной выгоды способен на что угодно, готов даже бросить своего кровного брата на растерзание волкам (собственно, он почти так и поступил!).

Фригг – жена Одина, провидица. Мачеха Тора².

Тор – бог Громовержец. Любит все разбивать одним ударом. Вашего Покорного Слугу, пожалуй, недолюбливает.

Сив – жена Тора. У нее очень красивые волосы. Но и она меня недолюбливает.

Бальдр – бог мира. Да, правильно, он известен как Бальдр Прекрасный. Хорош собой, спортивен, популярен. Вам он кажется излишне самодовольным? И я того же мнения.

Браги – бог поэзии. О нем только одно: *ждет звуков лютни*.

Идунн – жена Браги. Любит фрукты.

Фрейя – богиня страсти. Тщеславна, мелочна. Отлично умеет манипулировать другими. Ляжет в постель с кем угодно ради драгоценных побрякушек.

Фрейр – кличка Потрошитель. Брат-близнец Фрейи. Неплохой парень, но уж больно тащится от блондинок.

Мани – Луна. Ездит на крутой дорогой тачке.

Соль – Солнце. Тоже ездит на дорогой тачке, но непристойно яркого цвета.

Сигюн – горничная Фрейи. Обожает своего мужа (то есть Вашего Покорного Слугу). Возможно, самая надоедливая особа во всех Девяти мирах.

Хеймдалль – страж богов. Запомните: *очень* не любит Вашего Покорного Слугу.

Хёдер – Хёд, слепой брат Бальдра. Куда лучший стрелок, чем можно было бы подумать³.

Мимир – Мудрец. Дядя Одина⁴. На мой взгляд, он вовсе не так уж мудр.

Хёнир – Молчаливый. Ну да! Рот ему заткнуть совершенно невозможно!

Ньёрд – отец Фрейра и Фрейи. Бог моря. Отлично обеспечен. Женат на Скади.

Скади – лыжница, охотница в снегоступах. Меня сильно недолюбливает. Такие слова, как «простить» и «забыть», ей неизвестны. Помешана на супружеских узах. И на змеях.

Эгир – бог бури⁵. Женат на Ран.

Ран – хранилище утопших. Довольно странно, но любит вечеринки.

Тюр – бог войны. Храбрый, но не слишком умный.

¹ Один выступает также под именами Высокий, Страшный, Воитель, Седая Борода, Сеятель Раздоров и др. – *Здесь и далее прим. пер.*

² Тор – сын Одина и Ёрд (ее имя означает «земля»).

³ Хёд – «боец». Здесь намек на изложенный далее миф о гибели Бальдра.

⁴ Происхождение Мимира неясно. Возможно, он – великан и действительно сородич Одина, поскольку у того в роду были великаны. В «Прорицании вёльвы» упоминаются некие «дети Мимира».

⁵ Эгир – морской великан, «гость богов», освещает пиршественный зал блестящим золотом, «огнем Эгира».

Менее популярные боги

(а также: демоны, чудовища, знаменитые воители, разнообразные фрики и прочие нежелательные элементы):

Ваш Покорный Слуга – он же скромный автор данной истории. Также известен под именами: Трикстер, Великий Лжец, Локи, Счастливчик, Греческий Огонь⁶, Пожар, Сириус и другими. У него немало и других имен и кличек с соответствующими (и далеко не всегда лестными) эпитетами. Короче говоря, не первый парень на деревне и далеко не самый популярный из богов.

Хель – его дочь, хранительница Царства Мертвых.

Ёрмунганд – Мировой Змей, демонический отпрыск Вашего Покорного Слуги.

Фенрир – или Фенни, демон в обличье волка; также демонический отпрыск Вашего Покорного Слуги.

Ангрбода – или Энджи⁷. Мать моих троих детей, перечисленных выше. Ну застрелите меня, так уж получилось. Вообще-то я по природе своей к моногамии совершенно не склонен.

Двалин – кузнец. Один из сыновей Ивалди.

Брокк – кузнец. Хорошо шьет.

Тьяцци – великан-воитель. Отец Скади. Любит: подледный лов, пытки и путешествия за границу.

Тьялви – поклонник Вашего Покорного Слуги.

Рёсква — сестра Тьялви, тоже моя поклонница.

Гульвейг-Хейд — колдунья⁸. Перебежчица из стана ванов. Повелительница рун. Потрясающе умеет менять обличье. Жадная, умная и злобная – качества, более других любимые мною...

Лорд Сурт – Властелин Хаоса. Впрочем, называйте его, как хотите. Он – правитель такого места, где по определению никаких правил нет и никто ничем не правит.

⁶ Греческий огонь – зажигательная смесь, применявшаяся в VII–XV вв. в морских боях и при осаде крепостей. Вода греческий огонь не гасит.

⁷ Ангрбода (буквально «сулящая горе») – великанша в обличье старухи, но способная превращаться в красотку, «ангела», «эйнджел» (angel), на что и намекает ласкательное имя Энджи.

⁸ Гульвейг – буквально «сила золота»; Хейд, характерное для всех ведьм имя, означает «ведьма, знающая хейдр» (колдовство ванов). Она была послана ванами, чтобы причинить вред асам. Асы забили ее копьями, трижды сжигали, но она живет и поныне. Она же послужила причиной войны асов и ванов – первой войны в мире.

Маленькое предисловие

*О прошлом, о сыны земли, я расскажу,
Как должно. Ясень Мировой
От девяти корней возрос и жизнь дал
Девяти мирам, хранимым великанами...*

О'кей. Пока остановимся на этом.

Вот она, «Авторизованная версия»⁹ так называемого пророчества оракула – то есть предсказаний, сделанных Одину головой Мимира Мудрого¹⁰. Считается, что в этих тридцати шести строфах изложена вся история Девяти миров с начала времен, то есть со слов «да будет свет» до Рагнарёка.

Весьма лаконично, вы не находите?

Значит, так: все изложенное ниже – это отнюдь не «Авторизованная версия». Это моя, Вашего Покорного Слуги, личная версия тех событий. И первое, что вы должны усвоить относительно этой версии: никакого «начала времен» не было. Как не было и «конца времен», если уж на то пошло, хотя, конечно, и начала, и концы случались, и даже довольно часто. А в итоге все эти бесчисленные концы и начала переплелись так тесно, что стали практически неотличимы друг от друга. Концы, начала, пророчества, мифы, истории, легенды и откровенное вранье – все вплетено в один огромный гобелен. И особенно много там, конечно же, всевозможных лживых вымыслов – и вы наверняка уже решили, что кое-какие из них я сейчас вам изложу, поскольку считаюсь прародителем лжи. Но вы ошибаетесь: на сей раз мои рассказы о прошлом ничуть не менее правдивы, чем все то, что вы называете Историей.

Понимаете, тут-то собака и зарыта. Само слово «история» означает «рассказ о прошлом, об узнанном». Исходя из этого, версию событий, изложенную Стариком, то есть Одином, всем, вроде бы, полагается считать неоспоримой истиной. Можете назвать меня циником, но я никогда не принадлежал к числу тех, кто все слепо принимает на веру; и потом, я по чистой случайности знаю, что История – это нечто, сплетенное из всяких там метафор и прочей поэтической чепухи, то есть она сделана из того же материала, что и любая байка. Но любую байку делает «гвоздем сезона», «хитом» или даже мифом то, как и кем эта байка (или, если угодно, история) была рассказана.

Большая часть того, что мы считаем Историей, исходит из одного-единственного старинного текста «Пророчество оракула», написанного на древнем языке. В течение долгого времени мы практически не располагали никакими иными сведениями о прошлом. А между прочим, Один и оракул сперва обсудили между собой всю эту Историю с начала и до конца, а уж потом выдали нам; но куда хуже было то, что истинный смысл предсказания мы поняли, лишь когда стало слишком поздно для всех. Вот это было и впрямь оскорбительно.

Впрочем, об этом мы вскоре поговорим более подробно.

«Словом можно и убить» – так говорят в Срединных мирах; но ведь с помощью правильных слов можно и мир построить, и стать его правителем. И не только правителем, но и богом – подобные рассуждения вновь возвращают нас к Одину, умелому рассказчику, хранителю рун, истинному поэту и главному книжнику всех времен. Сторонники его теории возникновения

⁹ Имеется в виду общепринятое изложение германо-скандинавских мифов. На самом деле «Авторизованная версия» – это английский перевод Библии издания 1611 г., принятый в англиканской церкви.

¹⁰ В «Старшей Эдде» говорится о том, что Один спускался в Царство мертвых, дабы пробудить от вечного сна пророчицу вёльву и узнать от нее, какое будущее ждет богов.

миров стараются убедить нас, что каждое слово в изложенной им истории правдиво. Но понятие «поэтическая вольность», на мой взгляд, вполне можно было бы использовать как еще одно из его многочисленных имен и прозвищ. У меня их, впрочем, тоже не меньше. И поскольку то, что изложено далее – не столько История, сколько мистерия, и вообще в полной мере моя История, – давайте все же и начнем с меня. Другие уже имели возможность высказать свою точку зрения. А теперь послушайте, пожалуйста, мою версию.

Я назвал свое повествование Локабренна, что достаточно грубо можно перевести как «Евангелие от Локи». Локи – это я. Локи, Несущий Свет; Локи, неправильно понятый; Локи неуловимый, прекрасный и скромный – да, я и есть истинный герой данного изложения всевозможных небылиц. Можете кушать это с солью или иными приправами, если хотите, но, осмелюсь заметить: это «блюдо» ничуть не хуже официальной, «авторизованной», версии; во всяком случае, мой рассказ не менее правдив и, как мне кажется, куда более увлекателен. Надо сказать, что до сих пор меня в Истории представляли в весьма невыигрышном свете. Что ж, теперь мой выход. И, как говорится, ДА БУДЕТ СВЕТ!

Книга первая. Свет

*В те времена, когда был жив Имир,
И не было еще ни моря, ни земли,
Ни звезд небесных, свет дающих
и способность видеть,
Лишь пустота зияла между двух темнот¹¹.*

Урок первый. Лед и пламень

*Никогда не доверяйте жвачным животным...
Локабренна*

Все мы возникли из огня и льда. Из Хаоса и Порядка. Из света и тьмы. В начале времен – или еще чуть раньше – был огонь, вырвавшийся из некой дыры во льду и принесший разрушение, беспорядок и перемены. Перемены – это не всегда приятно, но тут уж ничего не поделаешь. И, насколько нам известно, жизнь началась именно там, где огонь, вырвавшись из Нижнего мира, пробился сквозь льды, покрывавшие Верхний мир.

До этого никаких Срединных миров не было. Не было ни богов, ни людей, ни живой природы. Тогда существовали только Порядок и Хаос в чистом и незамутненном виде.

Но ни Порядок, ни Хаос гостеприимством не отличаются. А идеальный Порядок и вовсе неподвижен, точно замороженный, абсолютно не подвержен изменениям и стерилен. Всеобщий же Хаос является абсолютно неконтролируемым, непостоянным и разрушительным. То, что стало впоследствии Срединными землями, Мидгардом, вначале представляло собой просто тепловатую воду – что, кстати, является идеальной средой для иной разновидности жизни, способной зародиться на замерзших просторах Дикого края и вулканов, пламень которых пробивался сквозь толщу льда.

«Авторизованная версия» Одина именно так все и излагает, основываясь на предсказаниях оракула. В результате столкновения Порядка и Хаоса на свет появились великан по имени Имир¹², прародитель Ледяного народа, и корова Аудумла, которая лизала соль, содержавшуюся в глыбах льда, и тем самым породила первого человека, Бури¹³. Таким образом, можно сделать вывод о том, что именно корова была первопричиной всего того, что за этим последовало – разделение живых существ на различные народы, великие войны и конец света. Урок первый: никогда не доверяйте жвачным животным.

Итак, сыновья Бури и сыновья Имира с самого начала возненавидели друг друга, так что им не потребовалось много времени, чтобы начать войну. Трое внуков Бури, сыновья Бора – их звали Один, Вили и Ве – в конце концов убили старого Имира и из его останков создали все Срединные миры: скалы – из костей; землю – из плоти; реки – из дымящейся крови. Череп

¹¹ Имир – самый первый великан, из тела которого был создан мир.

¹² Имир – антропоморфное двуполое существо, возникшее из растаявшего инея вместе с коровой Аудумлой (слово «ymir» означает «двойной»), которая выкормила Имира своим молоком; из тела Имира был создан мир: под мышками у него родились мальчик и девочка, а его ноги породили сына; все это были великаны «из мороза и инея».

¹³ Бури – антропоморфное существо, отец Бора, прародителя богов, и дед Одина.

Имира стал небесным сводом; его мозг – облаками, а его ресницы – крепостной стеной, отделяющей Мидгард от Утгарда¹⁴.

Разумеется, совершенно невозможно доказать истинность этой, скажем честно, не слишком правдоподобной гипотезы. Все свидетели давно сгинули, если не считать Одина; наш Старики – единственный, кто выжил в той войне; он же является архитектором и летописцем того, что мы теперь называем Древним миром; как оказалось, он также единственный (не считая меня), кто слышал роковое пророчество, которое поведала ему голова Мимира еще на заре Девяти миров.

Если угодно, можете назвать меня циником, но пресловутая «авторизованная версия», созданная Одином, звучит как-то уж очень гладко, оставляя без внимания массу деталей; впрочем, все эти подробности сторонники данной теории создания и гибели мира с удовольствием игнорируют. Я лично испытываю большие сомнения в правдоподобности этой версии. Особенно меня смущает рассказ о гигантской корове, – хотя даже теперь еще приходится с осторожностью высказывать свое отношение к истории, изложенной Одином, а раньше даже простое предположение, что она, эта история, имеет скорее метафорический, а не буквальный характер, мгновенно вызвало громкий протест и вопли о ереси; и заканчивалось все для Вашего Покорного Слуги самыми разными неприятностями. Именно по этой причине я уже тогда старался проявлять максимум осторожности и держать свои скептические замечания при себе.

Но ведь именно так религии и истории пробивают себе дорогу в наш мир – не через битвы и завоевания народов и территорий, а через поэзию, кеннинги¹⁵ и эпические песни, передаваемые из поколения в поколение и впоследствии записанные учеными и писателями. Именно так спустя примерно пятьсот лет возникла новая религия с новым богом во главе, потеснившая нас, древних богов, причем отнюдь не благодаря войнам, а благодаря именно книгам, устным историям и просто словам.

В конце концов, только слова и остаются, когда со всеми героическими деяниями покончено. Слова способны расшатать любую веру, положить начало войне, изменить ход истории. Короткий рассказ может заставить ваше сердце биться быстрее, а может и стены разрушить или горы с землей сровнять – мало того, иная история способна даже мертвеца оживить. Вот почему Великий Сочинитель Историй¹⁶ в итоге сумел стать самым главным среди богов; ведь писать историю и создавать Историю – вещи невероятно близкие, и расстояние между ними не больше волоса или толщины книжной страницы.

Нельзя, конечно, утверждать, что в те времена, когда Один сражался с великанами Ледяного народа, уже существовала письменность как таковая. Тогда еще и руны-то не были известны, чтобы хоть что-то с их помощью записать, да и писать было не на чем, разве что на скалах. Но, метафора это или нет, а я считаю, что наш мир возник именно благодаря великой Перемене, служанке Хаоса, и выстоял он лишь благодаря этой Перемене. Сумел, как и Ваш Покорный Слуга, приспособиться к изменившимся обстоятельствам.

Заяц-беляк к зиме меняет цвет своей шубки, желая быть незаметным на снегу. Ясень осенью сбрасывает листву, чтобы было легче пережить холода. Примерно так ведет себя все в живой природе – даже боги; все в мире меняет свое обличье (а порой и убеждения), чтобы соответствовать смене времен года. Следовало бы придумать название для подобного рода явлений

¹⁴ Мидгард – буквально «срединная усадьба»; Утгард – «то, что за оградой усадьбы», т. е. Дикий мир.

¹⁵ Кеннинг – буквально «обозначение»; поэтический перифраз, замена одного существительного обычной речи двумя или несколькими; например: меч – «палка битвы».

¹⁶ Один. Он пьет из источника Мудрости мёд, который иногда называют «мёдом поэзии». Один – не только верховный бог, но и бог мудрости, знаток рун, преданий и мифических каталогов; он также бог поэзии и покровитель скальдов.

– на самом деле, их следовало бы назвать одним из моих имен. А впрочем, давайте назовем это Революцией.

Урок второй. Асы и ваны

*Никогда не доверяйте мудрецам.
Локабренна*

Миры все время меняются, такова уж их природа – они то приходят в упадок, то снова расцветают. У них, как и у океана, есть свои приливы и отливы. В древности, например, Срединные миры занимали куда меньшую территорию, чем теперь – эта территория значительно расширилась во время Великой зимней войны огня со льдом, но затем снова несколько съехала, отступив от своих границ, точно паковый лед; а потом, когда в мире воцарился Порядок, снова была увеличена. Таково извечное положение вещей во Вселенной – постоянно осуществляется переход от Порядка к Хаосу и наоборот. А связующим звеном между Хаосом и Порядком является ясень Иггдрасиль; это тот стержень, который держит и разделяет все девять миров; его называют разными именами – Древо Мировое, Всемирный ясень, Древо жизни, Древо судьбы и даже Конь Одина¹⁷. Вот после этого и верь нашему Старику – вечно он ухитрится втиснуть собственное имя в любое название. Даже в название этого дерева (хотя, конечно, вопрос: дерево ли это?) он его вставил. А ведь известно, что Иггдрасиль пророс от своих девяти корней задолго до того, как корова Аудумла заметила появившегося на свет Имира и выкормила его своим молоком.

Некоторые уверены, что Иггдрасиль – это вовсе не дерево, а всего лишь мифопоэтический образ, метафора космоса. По их словам, корни Всемирного ясеня уходят в страну мрака, в Нифльхейм, и погружены в Хвергельмир, «кипящий котел», из которого вытекают все реки и ручьи, в том числе и река Сновидений, где так и кишат фантастические существа и мимолетные видения. А верхние ветви Иггдрасиля – это многочисленные созвездия, хорошо видимые на небе ясной ночью. Иггдрасиль пророс сквозь все миры; его живые корни сумели закрепиться даже в Хаосе, и там змеи и демоны неустанно трудятся, пытаясь их подточить. А по стволу и ветвям великого ясеня вверх-вниз бегают белка Рататоск и разносит по Девяти мирам все новости и сплетни – впрочем, тем же самым занимается и Один Одноглазый, который, на мой взгляд, и есть самый главный собиратель, накопитель и распространитель новостей и сплетен.

Кое-кому из вас, возможно, покажется, что я ставлю на одну доску великого Одина и какую-то болтливую белку – и это, на самом деле, в какой-то степени действительно так: вся деятельность Одина связана со сбором и распространением информации. Благодаря этому, как известно, и появилась на свет его главная легенда, которая за столь долгий срок сумела сохраниться почти без изменений. Кстати, именно он благодаря своей осведомленности первым заметил, что в мире наступает смена времен года и влияние богов уменьшается, и понял, что это начало нашего конца.

Разумеется, всему на свете в итоге приходит конец. Все умирает – даже миры, даже боги; смертен даже Ваш Покорный Слуга. С первой минуты существования Девяти миров Рагнарёк, или конец света, был записан в каждой живой клетке рунами, куда более сложными, чем те, что ведомы нам, богам. Жизнь и смерть, как говорится, в одном флаконе. И в этом «флаконе» Порядок и Хаос действуют не как две противоборствующие силы, а как некая единая, космическая, сила, настолько могущественная и огромная, что мы не в силах ее постигнуть.

Я говорю вам это только для того, чтобы вы поняли, как именно закончится моя история: разумеется, не самым приятным для нас образом. Да, начало было весьма многообещающим, но миры, которые мы строим для себя, – это всего лишь замки на песке, которые неизбежно

¹⁷ Слово «Иггдрасиль» означает «конь Игга», а Игг («страшный») – одно из имен Одина.

будут смыты вечерним приливом. И наши Девять миров были точно такими же. Старый Один прекрасно это понимал. И все-таки продолжал строить. Некоторые никогда ничему не учатся.

Итак...

Создав различные миры из останков Имира (буквально или фигурально), Один и его братья – все они были сыновьями Бора – стали определять территориальные границы каждого из этих миров. Ледяной народ – великаны, которые, как считается, были созданы «из мороза и инея», – потребовал себе Утгард, царство холода, находящееся на самом крайнем Севере. Горные народы забрали себе горы, которые подобно хребту живого существа пересекают все Внутренние земли. Люди – как мы теперь называем этот народ – поселились в долинах и на равнинах центрального Мидгарда. Подземный народ (или Черви, как их прозвали за то, что они вечно роются в земле, добывая в своих шахтах и туннелях драгоценные металлы и самоцветы) поселился во тьме Нижнего Мира. Темные существа – оборотни, ведьмы и неясной природы безымянные твари, обретшие свободу благодаря реке Сновидений, – пробрались в Железный лес, постоянно разрастающийся и занимающий значительное пространство на юге Внутренних земель, где он, постепенно сменяясь болотами и засоленными низинами, почти достигает берега океана.

На небе тоже были проложены границы. Солнце и Луна – которые, по словам Одина, представляли собой остатки того огня, что вырвался из горнов Хаоса, – гоняли по небосводу на своих колесницах и все старались друг друга обогнать. Ночное небо сияло звездами, молчаливыми, упорядоченными, безмятежными. Ну а для богов – ибо к этому времен Один уже присудил себе божественный статус¹⁸ – существовал Асгард, цитадель, вершина которой скрывалась в облаках; эта крепость фасадом была повернута в сторону Южных земель, а с Мидгардом ее связывал Биврёст, узкий и длинный каменный мост, сверкавший в небесах подобно радуге.

Разумеется, асы тогда были еще не совсем богами. Точнее, стать ими они еще не успели. Гораздо раньше на звание богов стал претендовать другой народ – ваны. Они были бастардами Огненного народа¹⁹, появившимися на свет в результате беспорядочных связей людей со всевозможными отщепенцами, если можно так выразиться, нашего племени; именно благодаря своему происхождению ваны владели столь могущественной магией, какая Одину и его соплеменникам и не снилась. Асы очень старались, но никак не могли ни прибрать эту магию к рукам, ни повторить ее. Но самое главное – ванам были ведомы *руны*, и с их помощью они записывали свою версию Истории; а, как известно, руны при умелом применении способны обеспечить народу возможность вечно жить в памяти других.

И с самого начала Один, честолюбивые устремления которого были связаны с божественным статусом, мечтал завладеть рунами, этими знаками тайной письменности, и заключенной в них магической силой. Но ваны, естественно, отнюдь не горели желанием с ним такими знаниями делиться.

Само собой, дело дошло до вооруженных столкновений. Асы, значительно уступая ванам в количественном отношении, куда лучше владели тактикой боя; зато у ванов было такое мощное оружие, как руны и связанная с ними магия сейдр, и они вполне успешно сопротивлялись натиску асов. Затем Один предложил начать мирные переговоры, пообещав ванам огромное количество золота, если те передадут асам знания о рунах; и в итоге уже почти казалось, что стороны вот-вот придут к согласию.

Ваны даже отправили в Асгард своего эмиссара для обсуждения конкретных условий договора. Их посланницей была великая колдунья Гульвейг-Хейд, решительно настроенная отобрать у асов все их золото до последней крошки. Это была знаменитая ведьма, любовница

¹⁸ Один в генезисе, скорее всего – не бог, а хтонический, то есть связанный с миром мертвых, демон, рожденный великаном Бором и великаншей Бестлой, или бог-колдун (шаман), покровитель воинских инициаций и союзов. Он хозяин воинского рая – Вальхаллы, где обитают мертвые воины, героически павшие в бою.

¹⁹ Или «сыны Муспелля» (Огненной страны), подданные огненного великана Сурта, повелителя Хаоса.

самого Огня. Как и все ваны, она умела ловко менять обличье, прекрасно владела рунами и искусством предсказаний. По-моему, появление Гульвейг даже слегка испугало асов; и лишь Один смотрел, как она демонстрирует свои колдовские возможности со все возрастающим удивлением и завистью.

Она явилась к асам в образе прекрасной женщины, с ног до головы в золоте. Золотые нити были вплетены в ее густые волосы, волной падавшие на спину, золотые перстни и браслеты украшали ее руки и ноги. А сияющая красота Гульвейг неизменно пробуждала в душе страстное желание. Стоило ей войти в парадный зал, и даже сам Один незамедлительно ее возжелал. Она показала ему руны Древнего Письма – они были вытатуированы у нее на ладонях, – и даже написала с их помощью имя «Один» на плоском каменном осколке; затем она продемонстрировала кое-какие магические возможности рун и пообещала научить всему этому асов (разумеется, не бесплатно).

Впрочем, от Гульвейг ничего нельзя было получить даром. Чрезмерная алчность всегда была одной из главных ее черт. А за установление мира с ванами она, как я уже говорил, потребовала все золото, имевшееся у асов, до последней крошки. Иначе, заявила она, ваны воспользуются магией рун и попросту сметут Асгард с лица земли. Сказав так, Гульвейг мгновенно сменила обличье, превратившись из прекрасной женщины в беззубую каргу, и, рассмеявшись Одину в лицо, спросила:

– Ну что, ребята, кого выбираете? Золотоволосую красотку или ядовитую змеюку? Предупреждаю, у обеих зубы имеются, и совсем не там, где вы привыкли их видеть.

Асов – никогда особой проницательностью не отличавшихся – это наглое заявление привело в ярость. Уже одно то, что ваны выбрали в качестве эмиссара женщину, асы восприняли как оскорбление, но ее гордость и дерзкое, если не сказать наглое, поведение (у меня, кстати, это вызывало исключительно уважение и восхищение) привели к тому, что Один и другие асы утратили и всякий контроль над собой, и способность рассуждать разумно (если, конечно, она у них вообще была, эта способность!). Выведенные из себя наглостью колдуньи, асы схватили ее и швырнули в огонь, жарко пылавший в огромном камине, но совершенно забыли о том, что ей, порождению огненной стихии, это никакого вреда принести не может.

Гульвейг, разумеется, тут же сменила обличье, превратившись в одно из воплощений Огня. Она принялась с язвительным смехом вышучивать асов и плевать в них языками пламени, обещая непременно отомстить. Три раза они пытались ее сжечь – идиоты! – прежде чем поняли, в чем дело, но к этому времени было уже ясно: всем надеждам на заключение мира пришел конец.

И все же Одину страшно хотелось стать настоящим богом. Он, собственно, только начал по-настоящему заводить. И чем больше он узнавал о могуществе рун, тем сильнее ему хотелось заполучить их. Он прямо-таки в отчаяние приходил, понимая, что руны – это не только средство для записи исторических событий. Гульвейг весьма ярко это ему продемонстрировала. Собственно, руны представляли собой фрагменты самого Хаоса, заряженные его огнем и энергией. Эти шестнадцать символов, в которых заключен был язык Хаоса, обладали неисчерпаемой магической силой.

Руны давали возможность полностью переменить миры, полностью их переделать или построить заново; они обеспечивали неслыханное могущество, позволяющее не только править своим царством, но и завоевывать новые. С помощью рун – но, разумеется, при наличии правильного вождя! – вanam ничего не стоило бы справиться с Одним и его жалкой армией «революционеров». Но ваны, как уже говорилось, генетически были родственны Хаосу, а потому и не имели достойного правителя, тогда как асами командовал Один, отличавшийся не только беспримерной жестокостью, но и невероятной хитростью.

Много десятилетий асы и ваны воевали друг с другом, однако победу так никто и не одержал; за время бесконечных сражений они не только спалили весь Мидгард, но и почти

до основания разрушили стены Асгарда. Гульвейг, осознав бессмысленность этой войны, бросила и асов, и ванов и вместе с кучкой предателей-ренегатов обосновалась далеко в горах. Собственно, она с самого начала не имела ни малейшего намерения делиться магией рун с Одином и его окружением, так что теперь решила обратиться за поддержкой к Ледяному народу, великанам «из мороза и инея», для чего и отправилась далеко на север.

Народ Льдов – это народ весьма свирепый, прямые потомки самого Имира. Асов они всегда ненавидели, считая, что те вытеснили их на дальний Север, украв то, что принадлежит им, великанам, по праву рождения: новый мир, созданный из тела Имира. Впрочем, и ванов они ненавидели почти столь же сильно, а вот к Хаосу относились с уважением, понимая, что это его огонь бежит в их жилах. Они внимательно выслушали предложение Гульвейг и с удовольствием его приняли, ибо, в отличие от асов, у них еще царил матриархат, так что они легко подчинились власти женщины. Гульвейг отчасти поделилась с ними магическим мастерством, а они в ответ обучили ее всему, что знали об охоте, рыбной ловле, оружию, лодках и умению выживать в условиях безрадостного, неприветливого Севера.

Таким образом, благодаря Гульвейг народ Льдов весьма укрепил свое могущество. Кроме того, следует учесть, что великаны всегда были куда более многочисленны, чем асы и ваны. Они создавали в горах могучие крепости, встраивая их прямо в скальную породу. Они буквально вырезали в толще ледникового льда целые долины. Они прокладывали дороги даже в самых непроходимых горах.

Некоторые из них перебрались с Севера в Железный лес, обитель ведьм и нечистой силы. Этот лес находился совсем недалеко, всего лишь в броске камня, от долины Идавёлль, над которой высился Асгард. Воспользовавшись магией рун, подаренных им Гульвейг, эти великаны сменили обличье и превратились в различных животных – например, в снежных волков, – или в хищных птиц, чтобы отслеживать своих врагов и шпионить за ними. Они вели охоту и на асов, и на ванов, и наносимый ими ущерб день ото дня становился все больше, пока Один не понял, наконец, что если асы и ваны не объединятся перед лицом новой, неожиданной, угрозы, то вскоре их попросту сотрут с лица земли.

Однако после столь многолетнего конфликта стороны друг другу не доверяли. А разве можно надеяться на мир, если нет взаимного доверия? Но у Одина нашлось решение, казавшееся удивительно простым.

– Мы совершим взаимный обмен – людьми, знаниями и опытом, – сказал он. – Ведь мы можем многому друг у друга научиться, если станем сотрудничать. Пусть у каждой из сторон имеются заложники, с которыми в случае предательства она будет иметь право поступить по своему усмотрению.

Это звучало вполне разумно, и ваны на обмен заложниками согласились. Они обязались поделиться с Одином мудростью рун, если он, в свою очередь, поделится с ними познаниями в воинском искусстве и даст им таких военачальников, которые научат их армию порядку и дисциплине.

Итак, после долгого обсуждения ваны согласились передать асам Ньёрда, Морского человека, и его детей Фрейра и Фрейю. В обмен они получили Мимира Мудрого, который считался дядей Одина и был его добрым другом и конфидендом, и красивого молодого человека по имени Хёнир (чрезвычайно болтливого²⁰, но прозванного Молчаливым в надежде, что он когда-нибудь этот намек поймет). Собственно, Хёнира Один выбрал не за его умения и способности, а как раз из-за того, что уж по нему-то, случись неизбежное, асы стали бы скучать меньше всего.

²⁰ Хёнир вместе с Одином и Локи (Лодуром) участвует в оживлении древесных прообразов первых людей и наделяет их речью.

Какое-то время мирный договор оставался в силе. Трое заложников научили Одина пользоваться рунами – шестнадцатью знаками древнейшей письменности. Прежде, разумеется, они научили его читать и писать, тем самым обеспечив ему место в Истории; затем открыли ему магию рун – их истинные имена, их поэзию и музыку. Каждый из ванов имел свою особую руну, управлявшую его обличем и дававшую ему магическую способность управлять всеми остальными рунами, но совершенно индивидуально. Обретя столь ценное умение, Один передал его и остальным асам; а также отныне каждому из них в соответствии с его природой была присвоена определенная руна. Например, сын Одина, Тор, получил руну *Турис*, «рогатый», руну силы и защиты; жена Тора, Сив – руну *Ар*, руну изобилия и плодородия; Тюр, один из главных военачальников Одина – руну *Тюр*, «воин»; Бальдр Прекрасный, младший сын Одина – руну *Фе*, золотую руну успеха; а сам Один стал обладателем двух рун: *Каен*, «греческий огонь» (но это несколько позже), и *Раедо*, «странник», руну, на первый взгляд скромную, но дававшую доступ в такие места, куда никто другой отправиться не осмеливался, в том числе в Царство мертвых и к границам Пандемониума.

Между тем в лагере ванов Мимир и Хёнир попросту тянули время, шпионя за ванами, выведывая их секреты и снабжая фальшивыми сведениями и насчет самого Одина, и насчет асов, и насчет военной тактики. Мимир был по-своему достаточно умен, но все же его ума не хватило, чтобы победить в затеянной им игре. А Хёнир хоть и выглядел вполне достойно, но стоило ему открыть рот (а он делал это чересчур часто), и сразу становилось ясно то, о чем ваны и так уже догадывались: содержания в нем куда меньше, чем можно было бы судить по его замечательной внешности.

Разумеется, эти два идиота завалили все дело, хотя могли бы догадаться, что им грозит в случае провала. Впрочем, и сам Один тогда еще не был столь искусным стратегом, каким стал впоследствии, однако он уже отличался редкостной безжалостностью и запросто мог принести в жертву своих друзей, чтобы получить желаемое. И он наверняка понимал, посылая своих шпионов, Мимира и Хёнира, во вражеский стан, что практически подписывает им смертный приговор. Постарайтесь не забывать об этом, если вам вдруг покажется, что он – чуть ли не ангел во плоти. Помните, благодаря чему он достиг своего нынешнего положения. И никогда не поворачивайтесь к нему спиной, если на вас нет металлической кольчуги.

В общем, ваны в итоге все же потеряли терпение. Они давно уже подозревали своих новых друзей, да и Хёнир, никогда не умевший держать язык за зубами, то и дело что-нибудь да выбалтывал. И ваны, наконец, поняли, что Один играет в одни ворота; вызвав у них тайну рун, он так ничего и не дал им взамен и, по сути дела, не ответил ни на один из тех многочисленных вопросов, которые их интересовали, зато поместил в их стан своего шпиона с партнером-марионеткой.

Разумеется, теперь было поздно пересматривать условия договора, и ваны в отместку схватили Мимира, отрубили ему голову, вручили эту голову Хёниру и отослали его обратно в Асгард. Однако Один ухитрился с помощью приобретенных у ванов знаний и умений не только сохранить эту голову живой, но и с помощью магии рун заставил ее говорить. Теперь он мог запросто черпать знания из этого источника, и вскоре из Одина Безжалостного превратился в Одина Мудрого, обожаемого бога и вождя, чье могущество было неоспоримо. Недолюбливал Одина, пожалуй, только сам Мимир, точнее Голова Мимира, которую Старик держал в холодном источнике²¹, впадавшем прямо в реку Сновидений.

Однако и Одину пришлось поплатиться за то, что он принес Мимира в жертву вanam. Первой данью стал его глаз – как часть того заклатья, которое позволило сохранить Голову

²¹ Мимир – хозяин источника Мудрости, находящегося у корней Иггдрасиля. В этом источнике Мимир прячет глаз Одина (Один, как известно, одноглаз), который он похитил у него, дав ему напиток. Но Локи эту историю излагает по-другому.

Мимира живой. Об остальном расскажу впоследствии. Но сразу замечу: никогда не доверяйте оракулу. И никогда не поручайте мудрому человеку роль преступника-предателя.

Если бы тогда в Асгарде был я, я бы попросту выкрал у ванов эти руны, и сохранил бы на плечах свою голову, и всех нас избавил бы от массы всевозможных неприятностей. Одной мудрости мало. Нужно обладать еще умением выживать в любых условиях, а это требует определенной склонности к трюкачеству, всевозможным уверткам и отговоркам, а также, разумеется, вполне конкретной связи с Хаосом. Я-то всеми этими качествами обладаю, можно сказать, в избытке. Если бы асы сделали меня своим шпионом, я оказался бы в родной стихии. И с удовольствием научил бы их парочке таких трюков, которые не известны никому, даже ванам. Мимир Мудрый на самом деле был вовсе не так уж мудр и для подобных дел не слишком годился. А нашему Молчаливому, то есть Хёниру, вообще лучше было сидеть и помалкивать. И, конечно же, Одину следовало с самого начала понимать, что идеальный Порядок не способен сгибаться, что он будет стоять твердо и непреклонно, пока не сломается; кстати, именно по этой причине ему редко удается продержаться достаточно долго. Но наш Великий Полководец тогда еще не понимал этого и не знал, что более всего ему необходим друг; причем этот друг должен обладать достаточно гибкими моральными устоями, чтобы не возводить мораль и совесть на столь высокий пьедестал, как это делал Один в надежде сохранить в неприкосновенности установленный им Порядок...

В общем, ему был нужен я.

Урок третий. Кровь и вода

*Никогда не доверяйте родственникам.
Локабренна*

Я отнюдь не утверждаю, что все Девять миров создал Один. Даже сам Один этого не утверждает. Эти миры столько раз погибали и вновь восстанавливались из праха, что никто не смог бы сказать, как и когда в действительности они возникли. Но именно Один придал им форму, и это несомненно. Для Людей, обитавших в Мидгарде, подобное могущество могло быть свойственно только богу, а нашего Старика, который к этому времени обладал уже и Асгардом, и рунами, остановить было просто невозможно. От берегов Моря-океана до берегов реки Сновидений все находилось под его началом, а его главные соперники – народ Гор и совершенно неуправляемый народ Льда – были вынуждены если и не полностью ему подчиниться, то, по крайней мере, гневно помалкивали, став свидетелями его триумфального восхождения.

Но вместе с обретенной властью приходит и ответственность, и необходимость быть внимательным к подчиненным. Я же тем временем существовал себе в Хаосе среди прочих демонов. В чистейшем, первозданном Хаосе. В Хаосе диком, неистовом, исступленном. Там, где царил Беспорядок в образе Лорда Сурта, Великого Разрушителя, родоначальника всяческого колдовства, величайшего мастера превращений. Лорд Сурт являл собой истинное воплощение Огня и был повелителем Муспелльхейма, Огненной страны. А ваны считались всего лишь бастардами первородного Огня и существовали за счет тех жалких клочков волшебства, которые, если можно так выразиться, падали со стола Лорда Сурта. Я же был истинным сыном Хаоса, счастливым и свободным; я был воплощением греческого огня и неукротимого пожара.

Ну, может, не совсем свободным. Или даже не совсем счастливым. Лорд Сурт был повелителем ревнивым, безжалостным, всепоглощающим. Никакие разумные доводы на него не действовали; он был по природе своей безрассуден. С тем же успехом можно было бы попытаться воздействовать с позиций разума на действующий вулкан, грозу, эпидемию чумы или сифилиса. Да и все мы, истинные сыновья и дочери Хаоса, были аморфны, наивны и враждебны всему, что находится за пределами нашего мира; именно такими, враждебными всяческому Порядку, Сурт и хотел нас видеть. Его царством был идеальный Хаос, не скованный никакой формой и абсолютно свободный от каких бы то ни было законов и правил – божественных, человеческих или природных.

С другой стороны, я и сам был достаточно упрям и капризен. В конце концов, такова моя природа. И потом, мне страшно хотелось побольше узнать об иных мирах, находившихся за пределами нашего царства; о тех, где Порядок и Хаос, встретившись, стали неким образом сосуществовать, а обитатели всегда имели одно и то же обличье и умирали, так и не испробовав ни глотка Огня.

Разумеется, я уже слышал о богах. Противоборствующие стороны – в подавляющем большинстве – отбросили в сторону имевшиеся между ними различия, и отныне уцелевшие в этой войне двадцать четыре аса и вана объединились и проживали в Асгарде. Это был непростой союз. Те ваны, что не пожелали считать Одина своим верховным правителем, откололись и переметнулись к Гульвейг, обретавшейся где-то на Севере. Какое-то количество ванов присоединились к народу гор, а некоторые даже схоронились в Нижнем Мире или в обличье животных скрывались в лесах Внутренних Земель. Таким образом, древние руны оказались рассыпаны по разным мирам и, по сути дела, утрачены, попав в руки наших врагов; руны так или иначе оказались искажены и стали давать новые, совершенно дикие ответвления подобно тому, как постепенно дичает доброе зерно, превращаясь в сорную траву.

Разумеется, со временем семена этих одичавших рун и их побочные корни стали оказывать свое воздействие и на Хаос. Собственно, руны ведь изначально были порождением Огня; это он давал им силу, и каждый раз Хаос буквально содрогался от ярости, когда кто-то из асов или ванов использовал частичку украденной рунической магии, или, скажем, с помощью рун менял обличье, или использовал руны в борьбе с врагом, или входил в реку Сновидений, или записывал какую-то историю, или хотя бы вырезал собственное имя на стволе упавшего дерева; а мне все сильнее хотелось узнать: кто же они такие – те, чье влияние я чувствую через границы стольких миров? Как получилось, что я знаю о том, что они существуют, тогда как они вряд ли даже подозревают о моем существовании?

Между тем двадцать четыре бога по-прежнему жили в сильно разрушенной войной цитадели Асгарда, но единства меж ними не было; оно было поколеблено всякими мелкими разногласиями и постоянным соперничеством друг с другом, благодаря чему они и являли собой поистине легкую мишень для любого, кому пришло бы в голову претендовать на небесный престол. Я видел их в основном благодаря их же снам – весьма, надо сказать, коротким и лишенным воображения; однако эти сны, тем не менее, давали мне почву для размышлений. Возможно, я уже тогда отчасти понимал, как сильно они нуждаются в настоящем друге и как сильно я мог бы им помочь, если бы они сумели избавиться от своих мелочных предрассудков.

В те времена Один любил странствовать по разным мирам в обличье обыкновенного мастерового. Его незрячий глаз, принесенный в жертву ради обладания знаниями, был способен видеть гораздо дальше и глубже, чем глаз зрячий. Кроме того, Один всегда был прямо-таки одержим страстью к исследованиям и всемерному расширению собственных знаний. Немало он странствовал и по реке Сновидений – той самой реке, что, огибая Девять миров, протекает по самой границе царства Смерти, как бы отделяя мир живых от мира мертвых, – и частенько наблюдал за нами издалека, с дальнего ее берега, бормоча себе под нос колдовские заклятья и шуря незрячий глаз.

Тогда внешность Одина еще не была столь впечатляющей – это был просто очень крупный и высокий мужчина лет пятидесяти с густыми непокорными кудрями, тронутыми сединой, и с повязкой на незрячем глазу. Впрочем, я и тогда уже чувствовал – как бы это выразиться поточнее? – его необычность. Во-первых, он прекрасно владел волшебой – тем первозданным огнем, который был украден из Хаоса и который Люди впоследствии стали называть магией, неизменно вызывавшей у них суеверный страх и преклонение. Во-вторых, я видел, как яростно горят цвета его ауры – они прямо-таки кипели у него над головой; я не раз обращал внимание на оставленный им след – этот след был столь же уникален и неповторим, как подпись, как отпечаток пальца; на фоне тусклых скал и белых снегов его след всегда виделся широкой полосой сине-зеленого цвета, яркого, точно крыло зимородка. Я замечал этот след и в его снах – они у него, кстати, были длиннее и ярче, чем у всех прочих богов; и теперь я уже почти мог слышать его негромкий ласковый голос, повторявший:

Локи, сын Лаувей.

Сын великана Фарбаути... Локи, Греческий Огонь...

Там, в мире демонов, мы не испытывали особой нужды в именах. Разумеется, они у меня были – у всего сущего есть имя, – но там и тогда имена надо мной власти не имели. Что же касается моей семьи, какова бы она ни была... Хотя, вообще-то, у демонов никакой семьи не бывает. Мой отец был подобен удару молнии, а моя мать – груди хвороста (нет, это отнюдь не метафора), но, если честно, Вашему Покорному Слуге подобные предки представляются довольно убогими.

Так или иначе, а греческий огонь остановить почти невозможно; он летуч и непредсказуем. Я не то чтобы извиняюсь или еще что; я просто объясняю: такова моя природа, моя сущность; я создан, чтобы доставлять неприятности. Сурту следовало бы это знать, да и Одину тоже. Вот оба в итоге и получили по заслугам.

Разумеется, покидать Хаос нам, демонам, было строжайше запрещено, но я был молод и любопытен. И потом, я столько раз видел, как этот тип (Один, естественно) смотрит вдаль с берегов реки Сновидений, наблюдая за тем, что происходит в нашем царстве, и творит свою примитивную волшбу. Честно говоря, мне порой было почти жаль его; так человеку, сидящему у камина, в котором жарко горит огонь, бывает жаль нищего попрошайку, притулившегося у порога его дома и тщетно пытающегося согреть замерзшие руки с помощью спички. Впрочем, вид у этого «нищего» был достаточно благородный, несмотря на лохмотья и бьющую его тело дрожь. Вид у него был как раз такой, что становилось ясно: раньше или позже он непременно станет правителем. И мне, пожалуй, даже нравилась его дерзкая отвага; мне хотелось узнать, как он сумеет достичь поставленной цели. Вот почему я в тот день, впервые презрев и запрет Сурта, и все прочие законы Хаоса, решил расстаться со своим свирепым огненным обликом и устремился в Верхний мир.

На какое-то время, правда, я совершенно растерялся. Слишком много новых ощущений, ранее мне совершенно не свойственных, на меня обрушилось. В новом своем воплощении я был способен различать цвета, чувствовать запах серы, ощущать на лице прикосновение падавших откуда-то сверху снежинок и видеть прямо перед собой лицо того самого типа, который с головы до ног был окутан магическими чарами. Я, разумеется, мог бы принять любое обличье – животного, или птицы, или просто языка пламени, – но так уж получилось, что я принял тот облик, с которым вы, возможно, знакомы: превратился в рыжеволосого молодого человека, в котором есть... *je ne sais quoi*²².

А тот тип удивленно (и, осмелюсь сказать, любовно) смотрел на меня, и я понимал, что ему известно: под моим человеческим обликом скрывается сын Огня. Или демон, если вам этот термин больше по вкусу. Хотя, если честно, разница между богом и демоном зависит лишь от угла зрения.

– Ты настоящий? – наконец спросил он.

Ну, конечно же, это весьма относительный термин. На определенном уровне абсолютно все является настоящим, знаете ли, даже сны (они-то возможно, как раз особенно настоящие!). Но я еще не привык говорить вслух. В царстве Хаоса такие вещи, как речь, совершенно не нужны. И я совсем не ожидал, сколь сильное воздействие окажет на меня мое новое физическое состояние, все эти звуки (вой ветра, хруст снега, топот лапок зайца-беляка по заснеженному склону холма), все эти краски и пейзажи, и этот холод, и этот страх...

Страх? Да, я полагаю, что это был именно страх. Моя первая настоящая эмоция. Хаос в чистом виде лишен каких бы то ни было эмоций, он действует исключительно инстинктивно. И мыслей Хаос тоже лишен. Именно поэтому какую-то видимую форму он обретает только перед лицом врага, черпая ее основу в мыслях этого врага, а свое обличье – в самых глубинных его страхах.

И все-таки это был поистине интригующий опыт – хотя необходимость все время сохранять одну и ту же физическую форму, ограничивая себя ее пределами и возможностями, вызывала у меня, к сожалению, некое подобие клаустрофобии. Я чувствовал, что навсегда обречен ощущать холод, страдать от слепящего света, и был просто оглушен всеми этими новыми ощущениями.

Я попытался осторожно расправить конечности и хотя бы отчасти использовать неведомый мне речевой аппарат. Получилось! И все же теперь, мысленно оглядываясь назад, я понимаю: если бы я действительно хотел совершить переход в этот мир, то должен был бы заранее подумать и о какой-то одежде.

Меня просто трясло от холода.

²² Нечто этакое; некая изюминка (*фр.*).

– Гог и Магог²³, до чего же холодно! Нет, серьезно, ты пытаешься сказать мне, что ваш народ сам выбрал для жизни такое местечко?

Этот тип сосредоточенно смотрел на меня единственным глазом, голубым, страшно холодным и, вообще-то, не слишком добрым. Аура его так и похлахла, и в ее цветах не было заметно ни капли страха, только осторожность и хитрость.

– Ну что ж, ты, видимо, Локи? – сказал он.

Я пожал только что обретенными плечами:

– Что в имени тебе моем? Роза, какое имя ей ни дай, будет источать все тот же аромат и останется все такой же розовой и невинной. Кстати о невинности: не мог бы ты раздобыть или одолжить мне какую-нибудь одежду...

Он раздобыл – вытащил из своего заплечного мешка штаны и рубаху, от которых довольно сильно несло козлом. Я надел их, морщась от ужасного запаха, а мой новый знакомец между тем назвал себя: Один, один из сыновей Бора. По слухам-то я его, разумеется, знал. И с той стороны следил за развитием его карьеры. И смотрел его сны. Так что на меня его заявление особого впечатления, как вы, люди, выражаетесь, не произвело; однако его честолюбие и безжалостность были, безусловно, качествами многообещающими.

Мы немного поговорили. Один разъяснил мне, что является комендантом крепости Асгард, нарисовав весьма впечатляющую картину этой небесной цитадели и ее обитателей; затем он поведал о мирах, которые намерен завоевать, получив богатые военные трофеи, и плавно перешел к теме возможного союза с Огненным народом в войне против народа Льдов, предателей-ванов, колдуньи Гульвейг-Хейд и различных воинственных правителей Утгарда.

Я вынужденно рассмеялся и уклончиво заметил:

– Только вряд ли это удастся.

– А почему нет?

Я объяснил, что Лорд Сурт не относится к числу тех, с кем можно заключить союз. Понятие «ксенофоб» не давало даже приблизительного представления о том, как сильно Сурт презирает всех инородцев. Достаточно плохо было уже то, что предки асов зародились во льдах; и потом, Сурт ни за что не стал бы иметь дело с народом, предки которого явились в этот мир голыми и покрытыми коровьей слюной.

– Но если бы мы могли вступить в переговоры... – начал было Один.

– Сурт в переговоры не вступает. Он являет собой первобытную силу природы и разрушает Порядок во всех его формах и проявлениях, доводя до состояния исходных частиц. И он всех вас ненавидит безраздельно – от самого могущественного военачальника до самого крошечного муравья. Сурт воспринимает как оскорбление уже одно то, что вы существуете и обладаете сознанием. И никакими переговорами его нельзя ни сбить с толку, ни обвести вокруг пальца. Ди-а-лог с ним вести абсолютно невозможно. Так что вступить с ним в переговоры вы никак не сможете. Единственное, что вы можете – если, конечно, у вас есть хоть капля здравого смысла, – это держаться от него подальше.

Один, похоже, задумался.

– Но ты-то сюда явился, – сказал он.

– Ну пристрели меня. Я проявил чрезмерное любопытство.

Разумеется, он не понял. Он мог максимально приблизиться к Хаосу только во время сна; Сон, как известно – эфемерный отпрыск Хаоса. И примитивные народы всегда воображают, будто их боги внешне примерно такие же, как они сами; в самом лучшем случае такой бог, с их точки зрения, имеет облик и ментальность великого воителя. Но, несмотря на незаурядный ум Одина, я был совершенно уверен, что ему никогда не понять истинного величия Хаоса и

²³ В иудейской, христианской и мусульманской мифологиях – два диких народа, воплощение хаоса, нашествие которых должно было предшествовать Страшному суду.

масштабов его владений – в лучшем случае он осознает это, когда наступит Рагнарёк, но тогда, увы, будет уже слишком поздно.

– Я намерен править всеми мирами, – заявил Один. – У меня есть сила и власть, у меня есть золото и руны. У меня есть самые лучшие воины на свете. У меня есть Солнце и Луна. У меня есть несметные сокровища Подземного народа...

– Но царством Лорда Сурта править нельзя, – прервал его я. – Ведь это сам Хаос. Там ничто не имеет плоти, там нет ни порядка, ни правил. Там ничто и никогда не сохраняет одно и то же физическое обличье. Все то, что для тебя столь важно – золото, оружие, женщины, сражения, крепости, – я видел в твоих снах и мечтах, но для Лорда Сурта ничто из этого значения не имеет. Для него все это – просто космический мусор, как куски плавника или обломки судов, выброшенные на берег приливной волной.

– Что ж, возможно, ты прав, но оставим на минутку твоего Лорда Сурта, – сказал Один. – Сам-то ты чем думаешь заняться? По-моему, такой, как ты, мог бы весьма пригодиться в нашем стане.

– Несомненно. Но какая от этого выгода мне самому?

– Ну, для начала ты обретишь свободу. Свободу и кое-какие возможности.

– Свободу? Скажи, пожалуйста: неужели ты считаешь, что я недостаточно свободен?

Он покачал головой.

– А разве ты считаешь себя свободным? Будучи вынужден оставаться все время на одном месте, когда вокруг столько миров, еще не открытых и не созданных? По-моему, ты просто в плену у этого Сурта, кем бы он ни был.

Я попытался объяснить:

– Но ведь Хаос – это колыбель всего сущего, нечто вроде парника, где произрастает любая рассада. Тогда как остальные миры – это просто случайные брызги сточных вод Хаоса. Неужели тебе нравится быть правителем в сточной канаве?

– Лучше быть правителем в сточной канаве, – спокойно возразил он, – чем рабом в императорском дворце.

Видите, как этот златоуст умело оплетал меня сетями своего коварства? Он тут же принялся рассказывать мне о тех мирах, которые уже успел посетить; о Срединном мире, Мидгарде, населенном племенем людей, где обитателей Асгарда уже начинали почитать как богов; об обитателях темных подземных туннелей Нижнего мира, которые в поте лица трудятся, добывая золото и драгоценные камни; о Мировом древе, ясене Иггдрасиле, корни которого уходят в глубины Нижнего мира, а вершина прячется в облаках над Асгардом; о народе Льдов; о Море-океане; об Утгарде, что раскинулся за пределами наших Миров. Все эти миры давно созрели, чтобы стать завоеванными, и они будут завоеваны мною, сказал Один; там очень много нового, но много и того, что подлежит уничтожению огнем. И всем этим ты тоже мог бы владеть, сказал он мне; впрочем, если хочешь, можешь отправляться назад в Хаос и до скончания веков чистить сапоги Сурту...

– А тебе-то что от меня нужно? – спросил я.

– Мне нужны твои таланты и умения, – честно ответил Один. – Ваны передали мне свои знания, но даже руны – это далеко не все. Я вывел этот мир из царства крови и льдов. Я дал ему законы, правила и смысл существования. Теперь я должен защитить то, что создал, или же увидеть, как все это опять тонет в море анархии. Но Порядок не способен выжить без поддержки; его законы имеют слишком жесткие рамки; Порядок не умеет прогибаться. Порядок, наползая постепенно, как лед, сковывает жизнь, и наступает застой, неподвижность. Сейчас, когда между асами и ванами вновь наступил мир, этот лед слегка отступит, и тогда неизбежна стагнация. В результате мое царство начнет погружаться во тьму. Но никак нельзя допустить, чтобы мои подданные видели, как я сам нарушаю собственные правила. Поэтому мне совер-

шенно необходим кто-то, находящийся рядом со мной²⁴ и способный в случае необходимости нарушить установленные мною законы.

– Я понял. Но что я все-таки получу взамен?

Он ухмыльнулся и сказал:

– Я сделаю тебя богом.

Богом.

Ну, вы же читали «Пророчество». Один уже успел потихоньку приписать себе и создание Миров, и возникновение человечества.

*А первых смертных создали они
Из дерева – ольхи и ясеня.
Им душу дал один, второй дал
Речь и разум; а третий —
кровь живу²⁵.*

Считается, что этот «третий», подаривший людям огонь в крови, – Ваш Покорный Слуга. Что ж, я и впрямь, возможно, виновен во многом, но отнюдь не желаю брать на себя ответственность ни за людей, ни за что-либо, имеющее к ним отношение. Откуда бы этот народ ни явился, он, клянусь Хелем, совершенно точно произошел не от пары каких-то деревьев с помощью Вашего Покорного Слуги. И что бы там на самом деле ни имел в виду оракул, это никак нельзя воспринимать буквально. Тем не менее миф о создании первых людей был повсеместно распространен и, естественно, никак не вредил бурно развивавшейся репутации Одина как нашего всеобщего папочки.

Но вернемся к нашей истории и обещанию Одина превратить меня в бога.

Ну что ж...

У него просто пунктик на противопоставлении себя Хаосу, подумал я. Впрочем, есть и определенные преимущества в том, чтобы быть независимой сущностью. Я прекрасно понимал, что в Пандемониуме я всегда буду всего лишь искрой, взлетевшей над горном; лишь язычком пламени в горящем костре; лишь каплей в океане растаявших снов. А в новом мире Одина я мог бы стать кем угодно; кем захочу сам; мало того, я мог бы стать двигателем перемен, главным смутьяном, творцом чудес. Богом.

Все это звучало весьма соблазнительно, однако...

– Но ты, разумеется, никогда не сможешь вернуться обратно, – сказал Один.

Я об этом тоже подумал и знал, что он прав. В Хаосе, возможно, и не существует правил как таковых, но законы там, безусловно, имеются, и мне было хорошо известно, что у тамошних правителей есть немало весьма изобретательных способов наказания для тех, кто эти законы нарушит. И все же...

– Да откуда же они узнают? Ты ведь и сам сказал, что я – всего лишь капля в океане.

– Но мне же понадобятся гарантии искренности твоей веры, – заметил Один. – Ты взгляни на данную ситуацию с моей точки зрения. Мне будет достаточно сложно даже асам объяснить твое присутствие в Асгарде. А потому я должен быть полностью уверен в твоей лояльности, прежде чем распахивать перед тобой ворота нашей цитадели.

– Естественно, – согласился я.

²⁴ Интерпретация образа Локи до сих пор является предметом дискуссий. Народная этимология, и это отражено в «Младшей Эдде», связывает имя Локи со словом *logi*, «огонь», что породило ошибочное восприятие Локи как бога или демона огня. На самом деле он, как считает Е. Мелетинский, мифологический трикстер, двойник Одина, отрицательный культурный герой с отчетливой хтонически-шаманской окраской. Создавая миры, они очень многое делают вместе, в том числе и оживляют первых людей.

²⁵ Людей создали из ясеня (Аск) и ивы (Эмбл) три аса: Один, Хёнир и Лодур (Локи).

Ох, не морочил бы ты мне голову! – думал я. Честь, верность, порядочность, истинная вера – все это атрибуты Порядка. А мы, дети Хаоса, ни в чем таком не нуждаемся и ничего такого толком не признаем и не понимаем.

Но Один, словно прочитав мои мысли, сказал:

– Я вовсе не собираюсь брать с тебя клятву. Но мне все-таки нужен хоть какой-то знак, если угодно – знак того, что ты готов к союзничеству с нами.

Я пожал плечами и спросил:

– Какой еще знак?

– А хотя бы такой, – произнес Один, и я внезапно ощутил в руке странное жжение. И одновременно что-то с такой силой ударило меня, что я навзничь рухнул в снег. Странные яркие цвета буквально взорвались и заплескались вокруг меня. Позже я узнал, что это называется «боль». Зато мне сразу стало ясно, что я не испытываю ни малейшего удовольствия от этого ощущения.

– Клянусь Пандемониумом, что это было? – вскричал я.

Разумеется, в моем прежнем, свирепом воплощении я физической боли никогда не испытывал. В определенной степени я все еще был чрезвычайно наивен. Но я вполне сумел догадаться, что это некая разновидность нападения, и мгновенно сменил обличье, став прежним и готовясь незамедлительно вернуться в обитель демонов. Но Один, сразу догадавшись о моих намерениях, спокойно сказал:

– Я бы на твоём месте не стал туда спешить. Ведь я пометил тебя своим тавро, и эта метка волшебная. Так что отныне мы с тобой братья – нравится тебе это или нет.

Я мгновенно вернулся в человеческое обличье, и – черт побери! – снова оказалось, что я совершенно наг.

– Да ни фиги я тебе не брат! – возмущенно заявил я.

– Мы с тобой только что стали братьями по крови, – возразил Один. – Или братьями по магии, если тебе так больше подходит.

Я коснулся своей руки там, где все еще чувствовалась боль. И увидел, что моя юная розовая кожа украшена чем-то вроде татуировки, от которой исходит слабый фиолетовый свет. Ощущение ожога постепенно проходило, но сам знак, похожий на сломанную ветку дерева, исчезать и не думал.

– Что это еще такое?! Что ты со мной сделал?!

Один устало опустил на камень. Что бы это ни было, оно явно отняло у него очень много сил. Цвета его ауры сильно померкли, а лицо почти совсем лишилось красок.

– Можешь назвать это символом верности, – сказал он. – Все мои люди помечены теперь таким же знаком. Ваны открыли нам истинные имена этих знаков и научили нас их использовать; это твоя руна *Каен*, что означает «греческий огонь». По-моему, тебе она вполне подходит, если учесть твою демоническую природу.

– Но мне никакие подобные символы не нужны! – заявил я. – А эти твои руны... – я ткнул пальцем в фиолетовую отметину, – вообще полная ерунда! Руны – это всего лишь несколько знаков из языка Хаоса. Мне, например, чтобы делать то, что я хочу, никакие руны вовсе не требуются. Я могу вызвать даже первозданный Хаос!

– Только не в этом мире и не в этом обличье. Твой нынешний облик определяет и твои нынешние возможности.

– Ах, даже так?! – Хотя, конечно, следовало подумать об этом заранее. Ведь волшебство в чистом виде существует, разумеется, только в царствах Хаоса и Сновидений. Здесь же мне еще придется создавать собственное волшебство. Мне придется трудиться. Трудиться... Как и в первом случае, с болью, я чувствовал, что этот новый опыт мне явно придется не по вкусу, а значит, я постараюсь как можно чаще избегать и боли, и необходимости трудиться.

– Послушай, мы так не договаривались, – сказал я, уже понимая, что этот старый лис взял меня тепленьким. Стоило ему присвоить мне этот рунический знак, и мое волшебство отчасти слилось с его волшебством. И если бы я сейчас вздумал вернуться в Хаос, там сразу поняли бы, что я – предатель. Так что выбора у меня не было – оставалось только смириться и принять предложение Одина стать богом. Я был возмущен: – Ах ты ублюдок! Ты же все знал заранее!

Один криво усмехнулся.

– В таком случае, мы с тобой сравнивались в хитрости. Настоящие братья-трюкачи. Впрочем, я сказал тебе чистую правду: я никогда не забуду того, чем буду тебе обязан. И никогда не сделаю ни глотка вина, не проверив, полон ли и твой кубок. И на какой бы дурной поступок твоя природа тебя ни подтолкнула, я обещаю, что не позволю никому из моих богов поднять на тебя руку, проявить по отношению к тебе злобу или насилие. Ты будешь мне ближе родного брата. Но, разумеется, до тех пор, пока будешь держать свое обещание служить мне.

Ну, и какой был у меня выбор? Естественно, я дал ему это обещание. Хотя для демона – как, впрочем, и для бога, – такое обещание значит не особенно много. Но я действительно служил ему. Я хорошо ему служил; хотя в половине случаев он и сам толком не знал, что же на самом деле ему требуется. И даже когда он первым нарушил условия нашей сделки...

Но об этом позже. А пока скажу одно: никогда не доверяйте брату.

Урок четвертый. Приветствие и гостеприимство

*Никогда не доверяйте другу.
Локабренна*

Вот как я попал в Асгард, где Один и представил меня моим новым друзьям – двадцати трем асам и ванам. Все они были в блестящих доспехах, отлично откормленные, лоснящиеся, в меховых и шелковых плащах с богатой вышивкой, золотых коронах, украшенных самоцветами; и вид у большинства был в высшей степени самодовольный.

Вы, возможно, уже слышали об Асгарде. В Девяти мирах ходило множество всяких сказок насчет его мощи и великолепия: рассказывали, что там двадцать четыре огромных чертога – по одному на каждого бога, – а также великолепные сады, богатые погребя и отличные стадионы. Рассказывали, что эта крепость построена на скалистом выступе так высоко над раскинувшейся внизу равниной, что скрывается в облаках; что там вечно светит солнце и играют радуги, а попасть туда можно только по Радужному мосту, который называется Биврёст и соединяет Асгард с Мидгардом. Во всяком случае, так Асгард описан в многочисленных легендах. И, надо признаться, он действительно выглядел впечатляюще, хотя в те времена еще не был столь велик и великолепен, а главной защитой ему служило то, что он был построен на отвесной скале. Собственно говоря, тогда Асгард представлял собой всего лишь несколько деревянных строений, окруженных частоколом. Впоследствии он, конечно, сильно разросся, но тогда был куда больше похож на крепость первопоселенцев во время осады – хотя, если честно, таковым он и являлся.

Знакомство состоялось в пиршественном зале Одина, весьма просторном и теплом помещении со сводчатым потолком и двадцатью тремя удобными сиденьями у длинного стола, уставленного яствами и напитками; во главе стола, разумеется, сидел на высоком троне сам Один. У всех за этим столом имелось свое место. Кроме меня.

В зале воняло дымом, пивом и потом. Но мне даже пива никто не предложил. Я смотрел в холодные лица богов и думал: *похоже, в этом клубе новичков не жалуют.*

– Это Локи, – провозгласил Один, – новый член нашей большой семьи, так что призываю всех проявить должное гостеприимство. И чтоб никаких подкалываний по поводу его не слишком удачной родословной.

– Какой еще неудачной родословной? – спросил Фрейр, главный среди ванов²⁶.

Я сделал им всем ручкой и сообщил, что я родом из Хаоса.

И уже через секунду я лежал на спине, и в меня упирались острия по крайней мере двух дюжин мечей, готовых прежде всего отсечь те части моего тела, которые я всегда оберегал особенно тщательно.

В отличие от остальных, только что мною обретенных, физических ощущений, боль никакой радости мне не доставляла. Я, правда, предположил, что это, возможно, некий вариант инициации, то есть скорее игра, чем что бы то ни было другое, но, увидев эти лица, эти злобно прищуренные глаза, эти оскаленные зубы...

Нет, никаких сомнений тут быть не может, сказал я себе. Я этим ублюдкам действительно не нравлюсь.

²⁶ Фрейр (др. – исл. «господин») – бог плодородия, богатства и мира; сперва, во время войны с ванами, был заложником у асов, а затем был к ним причислен.

– Ты что, спятил? Как ты мог притащить в Асгард демона? – возмутился Тюр, военачальник Одина²⁷. – По нему же сразу видно, что он шпион, а может, и убийца! По-моему, надо этому крысенку поскорей глотку перерезать!

Но Один одним взглядом охладил его пыл:

– Сейчас же отпусти его, капитан.

– Ты шутишь? – изумился Тюр.

– Я сказал: немедленно его отпусти. Он пользуется моим особым покровительством.

Очень неохотно, но они повиновались; убрали этот стальной частокол, и Ваш Покорный Слуга не только сел, но даже попытался победоносно улыбнуться. Впрочем, побежденным тут явно никто себя не чувствовал.

– Э-э-э... еще раз всем привет! – снова бодро поздоровался я. – Я понимаю: вам, должно быть, странно, что кому-то, имеющему столь высокое происхождение, вдруг захотелось валандаться с такими олухами, как вы. Но ничего, привыкнете. А я при первой же возможности докажу вам, что я не шпион. Могу даже поклясться. Я сжег свои корабли, явившись сюда; и отныне для Народа Огня я – предатель. Если вы отправите меня обратно, я буду тут же убит... если, конечно, со мной не сделают чего-нибудь похуже.

– Ну и что? – Это сказал Хеймдалль²⁸, плотный тип в золоченых доспехах и с золотыми зубами. – Нам помощь какого-то жалкого предателя тоже ни к чему. Предательство – руна кривая, ненадежная; она никогда не действует прямо и никогда не попадает точно в цель.

Самое что ни на есть типичное для Хеймдалля высказывание! Я в этом не раз убеждался впоследствии. Напыщенный, грубый и наглый тип! Его руной считалась *Мадр*, прямая, как игральная кость, и такая же гладкая и скучная. Я вспомнил о руне *Каен*, запечатленной на моем плече и похожей на сломанную ветку дерева, и сказал:

– Иной раз кривое бывает лучше прямого.

– Ты так думаешь? – напрягся Хеймдалль.

– А давай проверим, – предложил я. – Мое волшебство против твоего. И пусть Один объявит победителя.

Снаружи виднелись мишени для стрельбы из лука. Я заметил их, еще входя в чертоги Одина. Разумеется, здешние боги увлекались спортом – для популярных общественных деятелей это дело обычное. А я и лук-то до сих пор в руках не держал, хотя сам принцип стрельбы был мне, в общем, ясен.

– Ну, давай, Золоченый, – усмехнулся я. – Или ты передумал?

– Говори-говори, – откликнулся он. – Сейчас посмотрим, на что ты способен.

Асы и ваны вышли из дворца следом за нами. Последним шел Один, вид у него был заинтересованный.

– Между прочим, Хеймдалль – лучший стрелок в Асгарде, – тихо предупредил он меня. – Ваны называют его Соколиным Глазом.

– Ну и что? – пожал я плечами.

– А то, что хорошо бы тебе сейчас очень постараться.

Я снова усмехнулся.

– Я же Локи, – сказал я. – Понятие «хорошо» мне не свойственно.

Мишени виднелись прямо перед нами. Цвета ауры Хеймдалля явственно свидетельствовали о том, что он уверен в победе; да и золотые зубы он скалил весьма самоуверенно. Столпившиеся у него за спиной боги смотрели на меня с подозрительностью и презрением. Мне-то

²⁷ Тюр – бог битвы; согласно «Старшей Эдде», Тюр «мудрый и самый смелый». Если Один, потеснивший Тюра, – бог военной магии, то Тюр сохранил функции, связанные с военным правовым обычаем.

²⁸ Бог из асов; обозначается как «светлейший из асов» и «предвидящий будущее подобно ванам». Его прозвища «златорогий», «златозубый» и «страж богов». Обитает близ моста Биврёст и сторожит его, обладая отменным зрением и слухом; его слух (он же рог Гьяллархорн) скрыт там же, где глаз Одина: под корнями ясеня Иггдрасиля.

казалось, что это я отношусь к ним с предубеждением, однако в своей предвзятости они меня превзошли. Я прямо-таки видел, до чего им хочется пролить мою кровь, кровь демона, хотя такая же кровь течет в жилах по меньшей мере дюжины из них. Да и сам Хеймдалль тоже был полукровкой – побочным сыном первородного Огня, – но я прекрасно видел, что он отнюдь не в восторге от нашего с ним родства. Есть такие разновидности живых существ – а иногда даже целые народы, – которые настолько друг друга ненавидят, что сразу начинают драться; таковы, например, мангусты и змеи или кошки и собаки; и хотя мне было не так уж много известно о Девяти мирах, я догадывался, что такие прямолинейные, туповатые и весьма мускулистые типы, как Хеймдалль, самым естественным образом должны воспринимать как врагов тех, кто обладает гибким телом и изобретательным умом, кто вообще думает головой, а не кулаками.

– С какого расстояния? Сто шагов? Или больше? – спросил Хеймдалль.

Я пожал плечами.

– Выбирай ты. Мне абсолютно все равно. Я обещаю, что в любом случае стану победителем.

Хеймдалль самодовольно усмехнулся и, жестом подозвав двух слуг, велел им установить мишень на дальнем конце Радужного моста.

– Когда Локи проиграет, – язвительно заметил он, – ему оттуда домой будет ближе добираться.

Я лишь слегка улыбнулся в ответ.

Слуги потащились на тот конец моста и, надо сказать, не слишком спешили. А я между тем прилег на травку и сделал вид, что слегка задремал. Я, пожалуй, и впрямь заснул бы, да вот Браги, бог музыки и песни, начал заранее сочинять победную песнь в честь Хеймдалля. Буду справедлив, голос у него был неплохой, но содержание песни мне не очень понравилось. Кроме того, он аккомпанировал себе на лютне, а я лютни просто ненавижу.

Минут через десять я приоткрыл один глаз и увидел, что Хеймдалль стоит надо мной и смотрит мне прямо в лицо.

– Что-то я разоспался, даже руки-ноги затекли, – пожаловался я ему. – Давай, начинай первым. Но сколько бы очков ты ни выбил, обещаю: я выбью больше.

Хеймдалль снова оскалился, продемонстрировав золотые зубы, призвал на помощь свою руну *Мадр*, прицелился и выстрелил. Я не видел, куда он попал – у меня далеко не такое острое зрение, как у него, – но по тому, как победоносно блеснули его зубы, я догадался, что выстрел был, видимо, удачный.

Я лениво потянулся, зевнул, и он нетерпеливо напомнил мне:

– Ну, предатель, теперь твоя очередь.

– Хорошо-хорошо, только пусть мишень перенесут немного поближе.

Хеймдалль озадаченно посмотрел на меня:

– Что ты хочешь этим сказать?

– По-моему, я вполне ясно выразился: пусть мишень перенесут поближе. Я ее отсюда едва вижу. Вполне достаточно, чтобы она стояла на расстоянии трех дюжин шагов.

Хеймдалль был явно потрясен подобной наглостью.

– И ты еще смеешь утверждать, что непременно меня победишь? Меня! А сам требуешь перенести мишень поближе?

– Ты, главное, разбуди меня, когда они мишень-то переставят, – попросил я и снова улегся, делая вид, что сплю.

Через десять минут слуги переставили мишень туда, куда я просил, и теперь мне стало видно, что стрела Хеймдалля попала прямо в яблочко – там остался розово-красный след руны *Мадр*. Асы и ваны заплотировали. Выстрел был действительно впечатляющий.

– Победит Хеймдалль Соколиный Глаз! – заявил Фрейр, еще один красавец атлетического сложения в сверкающих серебряных доспехах. Остальные, похоже, были с ним согласны.

Видимо, Фрейр был слишком популярен²⁹, чтобы кто-то из богов стал ему перечить, а может, виной тому был его заколдованный меч, покрытый рунами и весьма выразительно покачивавшийся у него на бедре. В общем, все предпочитали оставаться на его стороне. Надо сказать, его меч и впрямь был весьма впечатляющим. И мне даже на столь ранней стадии нашего знакомства сразу пришла в голову мысль: а был бы Фрейр столь же популярен без этого меча?

Один, скосив свой единственный зрячий глаз на Вашего Покорного Слугу, вопросительно буркнул:

– Ну?

– Ну... неплохо. Этот тип по прозвищу Птичьи Мозги явно умеет стрелять, – сказал я. – Но я умею это делать лучше.

– Мое прозвище Соколиный Глаз! – прошипел Хеймдалль сквозь стиснутые зубы. – И если ты думаешь, что, уткнувшись носом в мишень, ты сможешь...

– Пусть теперь мишень перевернут обратной стороной, – сказал я.

И Хеймдалль не сумел скрыть смущения.

– Но ведь тогда... – начал он.

– Да. Совершенно верно, – подтвердил я.

Хеймдалль пожал плечами и жестом велел слугам перевернуть мишень, что они послушно и сделали. Теперь прицельный круг оказался с другой стороны.

– Ну-ка, попробуй попасть в яблочко теперь, – произнес я.

– Это же невозможно! – прорычал Хеймдалль.

– То есть ты этого сделать не сможешь?

– Никто не сможет!

Я усмехнулся и призвал на помощь руну *Каен*. Это руна свирепая, быстрая, умная, позволяющая мгновенно менять обличье и весьма зловредная. Я не стал использовать ее, чтобы стрелять прямо по мишени, как это сделал Хеймдалль; вместо этого я послал стрелу по широкой дуге, так что она, ударившись о мишень и изогнувшись в воздухе, рикошетом ударила с той стороны прямо в яблочко, отчего руна *Мадр* окуталась клубами фиолетового дыма. Это, конечно, был фокус, но до чего остроумный и замечательный!

Я победоносно глянул на старого Одина:

– Ну что?

Старик рассмеялся:

– Невероятный выстрел!

– Да это же просто колдовской трюк! – прорычал Хеймдалль.

– Тем не менее, победил Локи, – спокойно проговорил Один.

И остальные боги были вынуждены согласиться, проявив, впрочем, разную степень любезности. Один одобритительно хлопнул меня по спине. Тор тоже хлопнул – и так сильно, что чуть не сбил меня с ног³⁰. Кто-то налил мне кубок вина, и я, едва сделав первый глоток, понял, что это (как и некоторые другие, относительно немногочисленные, ощущения) явно стоит того, чтобы оставаться в человеческом обличье.

Но Хеймдалль, не сказав более ни слова, вышел из зала достойной поступью мужа, обремененного множеством иных, более важных, забот, и я понял, что нажил себе врага. Некоторые просто посмеялись бы над случившимся и забыли обо всем, но только не Хеймдалль. И с тех пор до самого конца света он так и не смог забыть этого первого унижения, нанесенного ему мною. Да и я не слишком стремился к дружбе с ним. Вообще цену дружбы часто излишне

²⁹ Фрейру, олицетворявшему растительность, урожай, богатство и мир, сопутствовал фаллический культ, типичный для богов плодородия.

³⁰ Тор («громовник») – бог грома, бури и плодородия, богатырь, защищающий богов и людей от великанов и страшных чудовищ. Его главное оружие – молот Мьёлльнир («молния»), который враги постоянно пытаются у него похитить. Первоначально Тор – главный соперник Одина, впоследствии уступивший ему главенствующее положение в пантеоне.

завышают. Кому нужны друзья, если у тебя есть настоящие, вполне надежные враги? С врагом всегда все ясно. Ты знаешь, что он не предаст тебя в своей враждебности. А вот того, кто утверждает, что он твой друг, следует опасаться. Но все это мне еще только предстояло усвоить. А в тот день я был полон надежд на то, что, возможно, со временем сумею как-то доказать всем (и Хеймдаллю в том числе), что я чего-то стою, и тогда они, наверное, меня примут.

Мне и самому порой трудно поверить, насколько я был тогда наивен. Я был точно щенок, который еще не знает, что те люди, которые взяли его к себе, будут целыми днями держать его на цепи в будке, а кормить порой одними опилками. Теперь-то я понимаю: чтобы усвоить такой урок, требуется некоторое время. А пока вы его не усвоили, запомните следующее: *никогда не доверяйте другу.*

Урок пятый. Каменные блоки и известковый раствор

*Никогда не доверяйте наемному работнику.
Локабренна*

Итак, Ваш Покорный Слуга получил признание, хотя и несколько ворчливое; и вообще, меня приняли в Асгарде далеко не так тепло, как обещал Один. И дело тут не только в том, что я принадлежу к иной расе, или недостаточно физически привлекателен, или имею чересчур радикальные взгляды, или совершенно не разбираюсь в том, что у асов принято, а что нет. Самое главное (и это утверждаю без ложной скромности) заключалось в том, что я оказался значительно умнее любого из обитателей Асгарда. А умников, как известно, нигде особенно не любят, поскольку они вызывают подозрения и не вписываются в общие рамки. Они, разумеется, могут быть полезны – я, например, в целом ряде случаев прекрасно это доказал, – но в основном население испытывает к ним смутное недоверие, полагая, что те качества умников, которые однажды казались столь необходимыми, в другой раз могут стать и опасными.

Было, правда, кое-что, отчасти компенсировавшее мое недовольство человеческим обликом и человеческой способностью чувствовать. Например, вкусная еда (больше всего мне понравились тартинки с джемом). Или выпивка (особенно вино и мед). Или, скажем, возможность воспламенить чью-нибудь душу. Неплох был и секс (хотя меня чрезвычайно смущали все эти бесконечные табу: с животными нельзя, с детьми нельзя, с мужчинами нельзя, с замужними женщинами и демонами ни в коем случае – честно говоря, непонятно, как там вообще секс существует при таком-то количестве запретов). Еще мне очень нравились сны и полеты над крепостными стенами, когда я превращался в сокола (и получал возможность иногда пульнуть свой помет с высоты точнехонько на золоченые доспехи Хеймдалля, когда тот, как всегда, сторожил Радужный мост). Это, как я узнал, называется чувством юмора; умение шутить тоже стало для меня чем-то новым – и шутить порой было даже приятней, чем заниматься сексом, хотя провести между тем и тем границу, как мне представлялось, было довольно трудно.

К этому времени я уже понял, что и среди богов, в этом царстве Порядка, ксенофобия столь же сильна, как и в царстве Хаоса; особенно она процветала среди ванов, и самым худшим из них был Хеймдалль³¹. Мой опыт показывает, что полукровки всегда очень чувствительны к теме своего происхождения, и ваны, сами будучи наполовину потомками Хаоса, испытывали некую особую потребность в выражении своего морального превосходства по отношению к такой «жалкой плесени», как Ваш Покорный Слуга.

Среди таких, если не считать Хеймдалля, был и Фрейр Потрошитель со своей сестрицей-близняшкой Фрейре³², потаскухой с наглыми глазами, которой Один пожаловал титул богини страсти. Брат и сестра были очень хороши собой – высокие, рыжеволосые, голубоглазые, и оба просто оторваться не могли от собственного отражения в каждой подходящей поверхности.

Затем следует назвать скальда Браги и его жену Идунн Целительницу, хранительницу молодильных яблок; эти двое обожали играть на лютне и смотреть в магический кристалл – то есть относились к самому что ни на есть занудному типу богов; оба свято верили в целительные свойства песен и в волосах вечно носили цветочки. Еще там были Ньёрд Рыбак, который большую часть свободного времени занимался тем, что руками ловил в реке форель, и Эгир Море-

³¹ На самом деле Хеймдалль был из асов; его кеннинг – «светлейший из асов». С другой стороны, у него есть и другой кеннинг: «предвидящий будущее подобно ванам». Хеймдалль считается сыном Одина, но его кеннинг «дитя девяти матерей» свидетельствует о том, что происхождение его неясно. Скорее всего, он является стражем богов и хранителем Мирового древа, антропоморфной персонификацией которого он, видимо, и является.

³² Фрейр находился в кровосмесительной связи с Фрейей, пока не женился на Герд, о чем будет рассказано далее.

ход, который вместе со своей невзрачной женой Ран присвоил себе роль повелителя вод. Подводные чертоги Эгира охраняли светящиеся медузы. Когда Эгир и Ран сидели на своих тронах, сделанных из перламутра, их длинные волосы развевались в воде, как морские водоросли.

Самым известным из асов был старший сын Одина, Тор, известный также как Громовник или Громовержец (я, правда, сперва решил, что его так прозвали из-за неладов с кишечником, потому что у него постоянно очень громко бурчало в животе). Это был здоровенный, мускулистый дуболом, наивный, как ребенок; вся физиономия его заросла густой бородой; волос в этой бороде было куда больше, чем мозгов у Тора в голове. Он увлекался спортивными играми и очень любил наносить удары своим молотом. Его женой была Сив Золотоволосая – склонная к полноте блондинка, которой Один присвоил (и не без юмора, как мне показалось) титул богини изобилия и плодородия.

Затем следует назвать Фригг Чаровницу³³, спокойную и многотерпеливую жену Одина. Далее следуют Хёнир по прозвищу Молчаливый – так его не без намека называли за способность говорить без передышки и явное неумение хоть когда-нибудь прикусить свой болтливый язык; Тюр, бог войны, сильный и как раз весьма молчаливый тип с прикусом, как у бульдога; Хёд, слепой сын Одина, и его младший брат Бальдр, прозванный Прекрасным, которого я с первого взгляда особенно сильно возненавидел.

Чем же мне так не угодил именно Бальдр, спросите вы? Видите ли, иной раз отношение к кому-то базируется на чистом инстинкте. И дело даже не в том, что я ему не нравился – это, в конце концов, для меня было делом обычным. И не в том, что женщины Бальдра просто обожали, а мужчины стремились стать таким, как он. И не в том, что Бальдр действительно был красив, храбр, добр и честен; и не в том, что, стоило ему пукнуть, как вокруг начинали петь птицы, расцветали цветы, а пушистые лесные зверьки сбегались к нему веселой толпой и начинали играть. Честно говоря, я и сам толком не знаю, *почему* я так невзлюбил Бальдра. Возможно, потому что он так сильно был любим всеми остальными; возможно, потому что ему никогда не приходилось сражаться за свое законное место среди других. Скажем прямо: этот парень родился не просто с золотой ложкой во рту³⁴, а с целым золотым столовым набором; и если он действительно проявлял ко всем исключительную доброту, то это только потому, что злым ему быть никогда не приходилось. Но хуже всего было то, что именно Бальдр первым подал мне чашу вина, надел на меня венок и с улыбкой сказал: «Добро пожаловать!»

Надо же, Добро пожаловать! Лицемер вонючий!

Добро пожаловать? Вряд ли меня на самом деле встретили с тем добром и гостеприимством, которые обещал Один. И ведь я чувствовал, что, несмотря на все попытки Бальдра ввести меня в круг богов – он старался увлечь меня спортом, знакомил с незамужними девицами, уговаривал перестать себя сдерживать и, наконец, «расслабиться», – большинство обитателей Асгарда по-прежнему втайне меня презирали. Наконец-то у них появился мальчик для битья! Козел отпущения! Существо, которое можно безнаказанно презирать, обвиняя буквально во всех смертных грехах. Что они, черт побери, постоянно и делали!

Если у Фрейи вскакивал на носу прыщик, то виноват был, разумеется, Локи. Если у Браги была расстроена лютня, если Тор где-то посеял свою латную перчатку, если кто-то громко пукнул во время одной из речей Одина – десять к одному, что виноватым сочтут меня.

У всех богов были свои личные чертоги. Я же так и застрял в сырой и мрачной комнате с выходом на задний двор; там даже водопровода не было, там постоянно гуляли сквозняки; и до всех главных залов черт знает как далеко было тащиться. У меня не было ни слуг, ни красивой одежды, ни какого бы то ни было положения в обществе. Никто не предложил мне показать окрестности или с кем-нибудь познакомиться. Если угодно, можете считать меня

³³ В скандинавской мифологии Фригг считается богиней брака, любви, семейного очага и деторождения.

³⁴ Английское выражение, имеющее то же значение, что и «родиться в сорочке».

мелочным, но я надеялся, что к новоиспеченному брату самого Одина в Асгарде все же отнесутся с должным уважением.

Кстати сказать – и у вас еще будет возможность обратить на это внимание, – История умалчивает, что случилось с родными братьями Одина, Вили и Ве, упоминаемыми в мифах и легендах³⁵. Возможно, их прах похоронен под плитами чьего-либо патио или развеян по ветру Девяти миров. Но это так, к слову. Меня же, кровного брата Одина, все мои новые «друзья» воспринимали со скрытой враждебностью – правда, у дам я все же пользовался большей благосклонностью.

Ну я же не виноват, что дамы находят меня чертовски привлекательным! Почти все демоны привлекательны. И потом, в Асгарде и соревноваться-то в этом отношении было не с кем. Потные, волосатые воители, в которых не было ни капли лоска! Умелого обхождения с дамами они не знали и были уверены, что хорошо провести время – значит убить парочку великанов или вступить в единоборство со змеем, а потом, даже не умывшись и не приняв душ, слопать зажаренного на вертеле быка и полдюжины молочных поросят и начать голосить популярные песни. Естественно, дамы обращали внимание прежде всего на меня. И потом, я ведь всегда считался «плохим мальчиком», а женщины находят это чрезвычайно интересным! К тому же я был весьма красноречив, настоящий златоуст.

Одна из горничных Фрейи, похоже, увлеклась мной всерьез. Ее звали Сигюн. Любовь у нее была какая-то чересчур спокойная, материнская. Впрочем, она была ласковая; глаза бедовые и очень неплохая фигура, которую она, к сожалению, тщательно скрывала под бесчисленными дурацкими одежками в цветочек.

Моим чарам не смогла противиться даже жена Тора, Золотоволосая Сив. В отличие от ее мужа, я прежде всего предпочитал умную беседу и никогда не проявлял нелепого желания во что бы то ни стало немедленно продемонстрировать свою силу и под воздействием тестостерона вдребезги расколошматить первое, что попадется под руку. Сив мое обходительное отношение было явно приятно, а сама она была весьма соблазнительна, так что...

Но вскоре я стал замечать, что вокруг меня то и дело возникает определенное напряжение. Я к этому времени уже достаточно давно знаком с Одином, однако по-прежнему был вынужден то и дело доказывать ему, что и я кое-что стою. Нет, он не тратил слов понапрасну и не пытался со мной объясниться или сделать мне выговор, но каждый раз, когда мы оставались наедине, в воздухе как бы повисал некий неприятный холодок, и я понимал, что вскоре Старик начнет закручивать гайки. Кроме того, у нас начались неприятности на Севере³⁶: Народ Гор уже дважды нападал на нас – сперва они заняли нижние склоны той горы, на которой стоял Асгард, и разбили лагерь на плоском скалистом выступе, а затем стали оттуда забрасывать нас огромными камнями из гигантских катапульт.

Это было их первым подобным выступлением. Мы знали, конечно, что жители гор – великолепные строители, что они высекают прямо в скальной породе настоящие дворцы, но нам никогда еще не доводилось видеть созданные ими военные машины и прочие хитроумные механизмы; и они никогда не собирались в столь несметных количествах, чтобы пойти на нас войной. Один, правда, предполагал, что у них, скорее всего, появился новый и весьма воинственный правитель, который, возможно, пребывает в союзе с Гульвейг-Хейд и рассчитывает стать богом. Беспокойно вел себя и народ Льдов – это с ним часто бывало по весне; на опушку Железного леса с Севера уже прибыло довольно значительное войско. Сверху, из Асгарда, эта

³⁵ Сыновья Бора – Один, Вили и Ве – убили великана Имира, и в его крови потонули все великаны, кроме одного, который стал прародителем народа Льдов, великанов «мороза и инея». А из крови, плоти, костей и волос Имира сыновья Бора создали все сущее на земле и на небе.

³⁶ Север в скандинавской мифологии особенно демонизирован: там, глубоко под корнями ясеня Иггдрасиля, расположен Хель, Царство мертвых; там же находится и страна великанов (как тех, что «из мороза и инея», так и горных); там же обитает и Подземный народ. Таким образом, понятия «низ» и «север» в определенной степени отождествляются.

армия великанов была похожа на стаю волков, кружащих возле добычи и настороженно выжидающих удобного момента, чтобы напасть. Но Один понимал, что народ Льдов куда опасней, чем это может показаться. Многие его представители сохранили осколки рунической мудрости, выменянные у предателей-ванов, и мастерски умели менять обличье, частенько странствуя под видом волков, медведей или орлов. Великаны инея, правда, были не столь хорошо организованы, как великаны гор, да и жили они куда меньшими общинами и часто вели междоусобные войны. Но уж если великаны, в конце концов, решили на время забыть о соперничестве друг с другом, как это сделали и асы во время войны с ванами, тогда...

Короче говоря, Один был всем этим весьма озабочен; и хотя ни одной из армий пока не удалось достигнуть стен Небесной цитадели, все же численность наших противников угрожающе росла. Главные военачальники Асгарда – Тор, Тюр и Фрейр – сумели довольно быстро уничтожить катапульты, построенные горными великанами, но враг и не подумал отступить. Во всяком случае, они отступили не так далеко, как мы рассчитывали – всего лишь снова на опушку Железного леса. Там они и оставались, почти полностью скрытые от наших глаз, что заставляло Одина проявлять еще большую осторожность. Для меня, впрочем, этот военно-политический кризис оказался вполне подходящим моментом, ибо теперь-то я как раз и мог продемонстрировать богам все свои достоинства. Требовался только подходящий повод.

И он вскоре представился. Хеймдалль – который благодаря невероятно острому зрению сам себя назначил стражем богов – заметил вдали некоего всадника, медленно приближавшегося к Асгарду. Народ Льдов лошадей никогда не использовал – на дальнем Севере лошади попросту не выживают, – а народ Гор в своем хозяйстве лошадей применял, хотя и не особенно часто. Впрочем, этот одинокий всадник опасным отнюдь не выглядел и явно не собирался на нас нападать. Во-первых, он ехал весьма неторопливо, а во-вторых, был одет, как неотесанный крестьянин с Нижних равнин. К тому же он не был ни вооружен, ни обременен какой-либо ношей; и ни его внешний вид, ни его аура не свидетельствовали о присутствии какого-либо волшебства. Да и приближался он к нам по равнине совершенно открыто и явно без опаски.

Эта равнина носила название Идавёлль и в те дни представляла собой бесплодное пустынное поле, по которому разбросаны были обломки оборонительных сооружений асов, оставшиеся там со времен войны асов с ванами. Никто без конкретной цели это поле не пересекал – а если и пересекал, то обычно со злыми намерениями, так что боги все же с подозрением смотрели на этого всадника, уже приближавшегося к Радужному мосту.

Тор, разумеется, хотел сперва нанести удар, а уж потом задавать вопросы.

Тюр, который был еще менее гибок, чем Тор, тоже считал, что прежде нужно нанести удар, а потом... еще один удар. Так оно было бы надежней.

Хеймдалль был уверен, что это, скорее всего, ловушка, а под скромным внешним видом незнакомца скрывается некий могущественный колдун.

Бальдр, всегда старавшийся во всем видеть только хорошее, – а если ошибался, то выглядел таким несчастным, словно кто-то лично его предал, – заметил, что, на его взгляд, этот человек, возможно, несет нам весть о перемирии.

И только Старик своего мнения вслух не высказал. Лишь быстро глянул на меня и жестом велел Хеймдаллю пропустить всадника. Через двадцать минут незнакомец уже стоял перед высоким трон Одина, а мы все столпились вокруг.

Вблизи выяснилось, что незнакомец велик ростом, широкоплеч и массивен, в его густой шевелюре серебрилась седина, а сам он, как и его конь, отличается некоторой медлительностью движений. Имя свое он назвать отказался. Впрочем, в этом-то как раз не было ничего удивительного – имена, как и руны, исполнены магической силы, не всякому их откроешь. Он неторопливо оглядел зал, стены которого были сделаны из крепкого старинного дуба, затем обвел глазами всех нас. Судя по выражению его лица, увиденное произвело на него далеко не самое благоприятное впечатление.

Наконец он заговорил:

– Это, значит, и есть Асгард? Какая отвратительная работа! Его для вас что, пастух строил? Да на него дунуть хорошенько, он и развалится. – (При этих словах я подмигнул Хеймдаллю, который оскалил свои золотые зубы и зарычал.)

– Ты что, спятил? – возмутился Тор. – Это же Асгард, обитель богов! Он выдержал многие десятилетия войны!

– Ага, оно и видно, – заметил великан. – Дерево хорошо применять для временных поселений, тут оно очень даже годится, но если вам хочется стабильности, то лучше камня материала нет. Камню любая погода нипочем. Он невероятно прочен, чем и славится. За камнем будущее, попомните мои слова. И вкладывать средства следует именно в каменные строения.

Один искоса глянул на незнакомца голубым немигающим глазом и спросил:

– У нас здесь что, распродажа?

Тот пожал плечами и сказал:

– Я бы с удовольствием оказал вам любезность. Мог бы построить для вас крепость, у которой стены были бы такой высоты и толщины, что никто – ни великаны Севера и Гор, ни даже сам Лорд Сурт! – не смогли бы сквозь них пробиться. И это, кстати, было бы отличным помещением капитала.

Звучало в высшей степени заманчиво. Я-то знал, как хочется Одину сохранить свой нынешний высокий статус.

– Как быстро ты мог бы такую крепость построить? – поинтересовался Старик. – И что попросишь за работу?

– О, мне потребуется всего месяцев восемнадцать! А работаю я всегда в одиночку и своими инструментами.

– Но какова все-таки цена? – снова спросил Один.

– Цена, конечно, немалая. Но цель, по-моему, того стоит.

Один встал со своего высокого трона. Нам, стоявшим внизу, казалось, что сейчас в нем футов двадцать росту.

– Но до начала работы ты должен представить мне подробную смету, – сказал он. (Именно так, собственно, хозяину и следует разговаривать с наемными рабочими-строителями!)

Строитель усмехнулся.

– Конечно. Значит, мы договорились? А мои условия таковы: вы отдадите мне в жены богиню Фрейю. А в придачу я хочу получить щиты Солнца и Луны.

Фрейя считалась в Асгарде самой красивой из богинь. Волосы золотисто-рыжие, кожа, как сливки. Истинная богиня страсти. Ее хотели все – даже Один не устоял, – вот почему от подобного предложения боги моментально пришли в ярость (хотя – и это совсем не удивительно – богини были вполне готовы продолжать переговоры со строителем).

Что же касается солнечных и лунных щитов, то они были созданы, когда Соль и Мани, небесные колесничие, получили свои обязанности. Выкованные в горниле самого Хаоса, укрепленные бесчисленными рунами и сильнейшей магией, эти щиты обеспечивали Соль и Мани защиту от слуг Сурта, посланных отыскать это волшебное сокровище и вернуть его в Хаос.

Предать Фрейю, отдав ее замуж за какого-то великана, уже было нехорошо, но отказаться от щитов Солнца и Луны было равносильно тягчайшему бедствию. Мани, Луна, которая в данный момент бодрствовала и была свободна от своих обязанностей, стала еще бледней, чем обычно. Один, с сожалением улыбнувшись незнакомцу, покачал головой.

– Извини, но так не пойдет.

– Ты скоро об этом пожалеешь! – предупредил строитель. – Когда-нибудь Лорд Сурт непременно покинет свое царство, чтобы очистить Миры от тебя и тебе подобных, и вот тогда

вам, ребята, непременно понадобятся каменные крепостные стены, иначе конец вашей общины.

Один снова покачал головой:

– Нет, ничего у нас с тобой не выйдет.

По толпе собравшихся пробежал негромкий гул. Фрейя рыдала; Тор что-то кому-то доказывал; Хеймдалль скрипел золотыми зубами. А вот кое-кто из менее значительных богинь, похоже, пытался вновь оживить переговоры – ведь строитель, в общем, был прав: Асгард несомненно нуждался в защите, и доказательством тому были недавние вылазки северных армий. До сих пор ни народ Льдов, ни народ Гор особой организованностью не отличались, но где-то там, на бескрайних просторах Утгарда, скрывалась колдунья Гульвейг-Хейд; она постоянно мучила воду, спланивала вражеские силы, продавала свои руны тому, кто больше предложит, а это означало, что и великаны вскоре будут обладать всеми необходимыми магическими знаниями и умениями. И тогда асы окажутся перед серьезной угрозой. А уж если врагам удастся последнее – захватить Одина, единственного настоящего знатока военной стратегии, – тогда совсем беда.

В итоге я не выдержал, сжалился над ними и сказал:

– Хватит паниковать. У меня есть идея...

Двадцать три пары глаз плюс единственный зрячий глаз Одина как по команде повернулись к Вашему Покорному Слуге. Мы предложили великану-строителю пока что накормить и напоить своего коня, и, как только он ушел, я объяснил им свой план.

– По-моему, не следует отвергать это предложение только потому, что первоначальная цена показалась нам несколько неразумной, – заметил я.

– Неразумной! – взвизгнула Фрейя. – Продать меня в жены какому-то... наемному работнику!

Я пожал плечами и продолжил:

– Асгарду необходимы каменные стены, а значит, нам следует согласиться на эти условия.

Фрейя разразилась слезами и громогласными стенаниями, и я, протянув ей свой носовой платок, сказал:

– Я считаю, что нам следует согласиться на его условия. Но вот получит ли он запрошенную цену – это вопрос другой.

Хеймдалль, окинув меня презрительным взглядом, тут же заявил:

– Мы не можем нарушать условия сделки! Мы все-таки боги и связаны своим словом. Так что платить нам придется.

– А кто говорит, что мы собираемся нарушить условия сделки? – усмехнулся я. – Просто постараемся сделать так, чтобы те условия, которые мы ему поставим, станут для него невыполнимы.

– Неужели ты предлагаешь его обмануть? – ужаснулся Бальдр, в ужасе тараща голубые глаза.

Я усмехнулся.

– Воспринимай эти меры как максимальное увеличение наших шансов на победу.

Один немного подумал, потом спросил:

– И что конкретно ты предлагаешь?

– Шесть месяцев. С первого дня зимы до первого дня лета. Ни днем больше. И никакой дополнительной помощи. А когда он не сумеет в срок закончить постройку стен, мы объявим, что договор потерял законную силу, и по меньшей мере половина крепости достанется нам даром и без малейшего участия Девяти Миров.

Боги переглянулись. Хеймдалль пожал плечами. По-моему, даже на Фрейю план произвел впечатление.

Я улыбнулся Одину.

– Разве ты не для этого меня в Асгард притащил? Разве не для того, чтобы я находил решение для неразрешимых проблем?

– Пожалуй, да.

– Ну, так доверься мне, – сказал я. – А уж я тебя не подведу.

– Да уж лучше не надо, – грозно предупредил Один.

После этого мне осталось лишь изложить мой, совершенно неосуществимый, план строителю. Но он, по-моему, воспринял его вполне спокойно. Возможно, я несколько недооценил его умственные способности. Он выслушал наши условия, покачал головой, еще раз посмотрел на богиню страсти и заявил:

– Пусть я пупок себе надорву, но ради такого приза... Хорошо, я принимаю ваше предложение! – И он плюнул себе на ладонь, готовясь ударить с Одином по рукам и скрепить сделку.

– Только давай сразу договоримся определенно, – предостерег его я. – Шесть месяцев и ни днем больше. И никаких тайных субдоговоров. Всю работу ты делаешь сам, хорошо? Собственными руками и без помощников.

Строитель кивнул.

– Договорились. В работе участвуем только я и мой конь, старый добрый Свадильфари. – И он потрепал своего огромного вороного жеребца по крутому боку – того самого, на котором он проехал по мосту Биврёст. Очень даже недурной конь, подумал я, но ничего особенного.

– Хорошо, – сказал я ему, и мы пожали друг другу руки.

И гонка со временем началась.

Урок шестой. Конь и ловушка

*Никогда не доверяйте четвероногим млекопитающим.
Локабренна*

И уже на следующий день с восходом солнца работа закипела. Сначала наш строитель втаскивал в гору из каменоломни уже имевшиеся каменные глыбы и обтесывал их; затем занялся вырубкой новых. Его конь Свадильфари оказался необычайно силен, и к концу первого месяца строитель с его помощью втащил наверх достаточно каменных блоков, чтобы начать складывать стены.

Этот замечательный конь помогал хозяину втаскивать каменные блоки даже на растущую крепостную стену. Строитель воспроизвел в камне все деревянные чертоги Асгарда один за другим – и каждый из новых дворцов обрел мощные гранитные стены с округлыми арками и массивными дверными и оконными перемышками; в граните было так много вкраплений слюды, что на солнце он отливал ярким стальным блеском. Внутренние дворики были выложены каменной плиткой, стены украшали башенки, над пропастью повисли красивые парапеты и лесенки. Работа продвигалась с фантастической скоростью, и боги смотрели на это сначала с изумлением, а затем и с ужасом – особенно когда зима стала подходить к концу. Даже я слегка нервничал, видя, как быстро растут стены Асгарда; большинство строителей переоценивают свои возможности и соответственно называют меньшие сроки, чем те, что требуются для завершения работы; но в данном случае казалось, что полгода – срок, возможно, даже слишком щедрый.

Но затянувшаяся зима была на нашей стороне, вдруг начались мощные снегопады. Однако проклятый строитель и его конь все продолжали втаскивать наверх каменные блоки. Ни метели, ни жгучий мороз на них, похоже, не действовали; слишком поздно мы начали подозревать, что и строитель, и его конь далеко не так просты, как нам показалось.

Дни пролетали с головокружительной быстротой. На поле Идавёлль начал таять снег. У Идунн в саду расцвели подснежники. С тошнотворной регулярностью стали петь птицы. А стены Асгарда с каждым днем становились все выше, и крепость выглядела все более впечатляюще.

Весна неотвратимо приближалась, и боги принялись дружно и абсолютно несправедливо обвинять меня в том, что работа продвигается чересчур быстро. Особенно злилась, естественно, Фрейя; в каждом разговоре со своими друзьями она не упускала возможности подчеркнуть, что такое могло случиться только потому, что асы поверили демону, а демонам, как известно, доверять нельзя. Мало того, она не раз высказывала предположение, что я, должно быть, пребываю в сговоре с этим строителем и мы вместе с ним стремимся осуществить свой предательский план в угоду Сурту, который только и думает о том, чтобы вернуть себе огонь Солнца и Луны и погрузить во мрак все Девять миров.

Бальдр был, как всегда, на высоте: больше всего его волновала тема морали; он заявил, что боги должны дать Локи шанс, и спросил, глядя на меня, точно обиженный щенок, не испытываю ли я личной ответственности за происходящее.

Остальные были куда менее деликатны и всячески тыкали меня носом в мои просчеты. Правда, прямого насилия ни один из них применить не решился – Один ясно дал понять, как он к этому отнесется; тем не менее, все недовольно фыркали и плевали в мою сторону, стоило мне пройти мимо, и даже сам Старик посматривал на меня негодуя, когда его подданные стали открыто говорить о том, что он завел себе сомнительного кровного братца, и судачить о тех причинах, по которым он ввел меня «в семью». А порой в одиноком голубом глазу Одина мелькал даже огонек расчетливости.

Но и я уже не был так наивен, как прежде. Я прекрасно понимал, что Старику нужно поддержать свой авторитет. К чему строить вокруг Асгарда неприступную стену, если внутри крепости зреет мятеж? Хеймдалль был настроен особенно воинственно (к тому же он меня с самого начала возненавидел), и мне было ясно: стоит Старику проявить слабость, и Золоченый тут же подсуется и займет его трон – молния и три раза мигнуть не успеет.

– Тебе придется обозначить свою позицию, – сказал я Одину, когда стал приближаться крайний срок. – Сзови собрание. Выступи. Призови их к порядку. Тебе необходимо восстановить дисциплину. Если ты сейчас дашь слабину, то власти тебе больше не видать.

Надо отдать ему справедливость: он сразу понял, к чему я клоню. Из чего я заключил, что и его самого, скорее всего, одолевали те же беспокойные мысли. Впрочем, мои-то мысли были куда спокойней, ибо у меня уже созрел план, но пока что я держал его в тайне, желая достигнуть максимального драматического эффекта. О, я готовился устроить поистине убийственный спектакль!

За день до наступления лета Старик созвал всех на совет. Внешняя стена крепости к этому времени была практически закончена – не достроены были только гигантские ворота, но массивная арка из серого необработанного камня была уже возведена. Еще одна поездка в каменоломни, и этого будет вполне достаточно, чтобы завершить работу, после чего строитель будет иметь полное право требовать обещанного вознаграждения.

Итак, в тот вечер боги и богини собрались в чертогах Одина. Никто так и не захотел сесть рядом со мной (за исключением Бальдра, сочувствие которого было мне столь же неприятно, как и недоверие остальных), и я чувствовал себя несколько уязвленным из-за того, что асы так быстро утратили веру в мои способности.

Не стану зря бахвалиться, но знаете, ребята, если когда-нибудь у меня не найдется никакого плана, пусть погаснут подземные огни и весь Хель замерзнет! И все же действовать нужно было осторожно. Прежде всего, я должен был вернуть Старику его авторитет среди богов. Я прекрасно понимал, что всегда буду в их стане аутсайдером, но, пока Один на моей стороне, я в безопасности. Так что я знал, с чего надо начинать.

Собрание состоялось в новых чертогах Одина, и каждому хотелось высказаться от души. Старик позволил богам прежде выпустить пар, а сам помалкивал, наблюдая за ними своим зрячим глазом. Атмосфера быстро накалялась, а уж когда Тор стиснул свои волосатые кулачищи и злобно зарычал, мои ненадежные новые «друзья» как по команде уставились на меня, горя жадной мести.

– Такого никогда бы не произошло, – упрекнул Один Фрейр, – если бы *ты* не слушал советов Локи.

Один ничего не ответил; он даже бровью не пошевелил и продолжал безмолвно восседать на высоком троне.

– Мы-то решили, что у него и впрямь есть какой-то план, – продолжал Фрейр, – а он проиграл и Солнце, и Луну, и Фрейю! – И он, повернувшись ко мне, выхватил свой волшебный меч. – Ну, а теперь что ты нам споешь, предатель? Говори: что делать с этим строителем?

– По-моему, надо ему все-таки кровь пустить! – заявил Тор, делая шаг в мою сторону.

Один сурово на него глянул:

– Руки прочь. Никакого насилия в рядах моего народа.

– Вот как? Ну а мой народ, ваны, подобных обещаний никогда не давал! – возмутился Фрейр.

– Чистая правда, мы ничего такого не обещали! – поддержала брата Фрейя. – Я за предложение Тора.

– Я тоже, – сказал Тюр.

Услышав это, я невольно попятился, чувствуя, что атмосфера накалена до предела и вот последует взрыв. По спине поползли противные мурашки, на висках и на шее выступил пот и потек за шиворот холодными ручейками.

– Да ладно вам, ребята, – миролюбиво сказал я, – мы же все вместе обсуждали условия сделки, и вы с ними согласились, верно? Условия строителя были приняты *всеми*, и теперь...

– Но именно ты разрешил ему использовать во время работы коня, – заметил Один.

Я удивленно на него посмотрел. Наш Генерал высился рядом со мной, суровый и непреклонный, как Мировой ясень. Рука его в латной перчатке тяжело легла на мое плечо и крепко его сжала. Я сразу вспомнил, до чего на самом деле Старик силен, и взмолился:

– Ну что ты в самом деле! Я же ни в чем не виноват!

Фрейя, глядя на меня злобными и холодными, как у падальщика, глазами, прошипела:

– Я хочу видеть, как он страдает! И слышать, как он визжит от боли! А потом я сделаю себе ожерелье из его зубов, которое стану надевать по особо торжественным случаям...

Рука Одина еще сильнее стиснула мое плечо; теперь мне было уже по-настоящему больно. Я заскулил. Собственно, я сам же и создал эту ситуацию, но страх все-таки понемногу заползал в мою душу.

– Клянусь, у меня есть план! – отчаянно завопил я.

– Да уж, лучше тебе что-нибудь поскорей придумать, пока мы тебя живьем не изжарили! – пообещал Тор.

Рука в латной перчатке так впиалась в мою плоть, что я охнул и упал на колени.

– Пожалуйста! Дайте мне шанс! – молил я.

Рука Одина снова судорожно стиснула мое плечо, потом он, к моему огромному облегчению, несколько ослабил хватку и прогремел:

– Хорошо, мы дадим тебе еще одну возможность все исправить. Так что ты уж постарайся. Но учти: если и на этот раз твой план не сработает, клянусь, что ты будешь подвергнут всем смертным мукам, какие только возможны в Девяти мирах!

Я молча кивнул с пересохшим ртом. Я верил каждому его слову. Нет, Один все-таки был поистине великолепным актером!

Затем, с трудом поднявшись на ноги и потирая ноющее плечо, я с легким, но вполне справедливым упреком сказал:

– Я же говорил, что у меня есть план! Обещаю, что к завтрашнему вечеру сделка будет расторгнута; нам ничего не придется платить. И мы при этом не нарушим своих обещаний, и честь наша ничуть не пострадает.

Боги только посмотрели на меня, цинично усмехаясь. Все – за исключением Идунн Целительницы, которая вообще была не от мира сего и доверяла всем, даже мне. С сочувствием и, пожалуй, еще более призывно, чем всегда, смотрела на меня только Сигюн, горничная Фрейи. Остальные что-то злобно бормотали себе под нос и бросали испепеляющие взгляды. Даже Бальдр отвернулся.

Фрейя прямо-таки облила меня презрением. Хеймдалль страшно оскалил свои золотые зубы. А Тор прошипел, когда я проходил мимо:

– Ну что ж, до завтра, юный демон. А завтра я наконец-то смогу дать тебе хорошего пинка под зад!

Я послал ему воздушный поцелуй и вышел. Я знал, что опасность мне не грозит. В тот день, когда этот строитель-ковбой возьмет с собой Локи на прогулку верхом, случится невероятное: над Радужным мостом стаями полетят свиньи, и Лорд Сурт прибудет в Асгард к чаю с коробочкой пирожных в обличье прекрасной дамы, одетой в бальное платье из тафты, и запоем романсы восхитительным меццо-сопрано под аккомпанемент нашего Браги.

Честно признаюсь на тот случай, если у вас, ребята, имеются какие-то сомнения: да, все это действительно мне по силам!

На следующий день я, встав на заре, поспешил сделать из Асгарда ноги. Во всяком случае, так решили все те, кто сомневался в наличии у меня действенного плана. Между тем строитель со своим конем уже двинулись по равнине в сторону каменоломен. Поле Идавёлль еще кое-где было покрыто пятнами грязного, не успевшего растаять снега, но повсюду уже прорастала трава, а в воздухе отчетливо пахло весной. Звенели голоса птиц, распускались первые цветочки, сновали и сустились какие-то мелкие пушистые зверьки, и в глазах у вороного жеребца Свадильфари вновь вспыхнул тот огонь, которого всю зиму и заметно не было.

Над ним сиял в солнечных лучах Асгард; в его гранитных стенах поблескивали вкрапления слюды. Крепость выглядела поистине великолепно: сверкающие крыши, башенки, галереи, сады, залитые солнцем балконы. Ни один из его двадцати четырех чертогов³⁷ не был похож на другие (и заметьте: у меня по-прежнему своего дома не было!), и каждый отражал потребности и вкусы того или иного бога или богини. Самый большой дворец был, разумеется, у Одина; он возвышался в туманной дымке над всеми остальными; а в парадном зале высился его трон, полускрытый скрещением радуг и, на мой взгляд, весьма напоминавший воронье гнездо. Оставались незавершенными лишь массивные крепостные ворота. Каменщик должен был вырубить еще максимум три дюжины каменных блоков и втащить их наверх – если честно, думал я, для него это задача на одно утро. Ничего удивительного, что он выглядел таким веселым и насвистывал сквозь зубы, вытаскивая инструмент.

Но как только он приготовился вырубать последние каменные блоки, его черный жеребец вдруг поднял голову и заржал, увидев на противоположном краю каменоломни кобылу, причем очень хорошенькую – с длинной гривой, гладкими округлыми боками и призывно горящими глазами.

Кобыла тоненько заржала в ответ, и Свадильфари, стряхнув с себя упряжь и не обращая ни малейшего внимания на сердитые окрики хозяина, сломя голову бросился к этой красотке, и они галопом помчались куда-то через все поле.

Строитель был в ярости, но поделаться ничего не мог. Он целый день гонялся за своим жеребцом от одной купы деревьев до другой, но ни одного каменного блока так и не вырубил. А Свадильфари и хорошенькая кобыла тем временем неспешно праздновали наступление весны. Плюнув на все, строитель попытался закончить ворота с помощью неиспользованных обломков гранита, но они плохо подходили для этой цели, и у него ничего не вышло.

Жеребец не вернулся и к ночи. Строитель, вне себя от бешенства, точно ураган влетел в чертоги Одина и потребовал аудиенции.

– Ты что, за дурака меня держишь? – орал он, стоя перед троном Всеотца. – Это ведь ты послал кобылу, чтобы она соблазнила моего жеребца! Ты пытался предательски нарушить условия нашей сделки!

Один холодно на него глянул и покачал головой.

– Нет. Ничего этого я не делал. А вот ты не сумел закончить строительство вовремя. И тем самым аннулировал сделку. Спиши это на непредвиденные расходы или недостаток опыта, и расстанемся дружески.

Строитель огляделся – боги и богини молча смотрели на него со своих сверкающих тронов – и, прищутив темные глаза, пробормотал:

– Кого-то здесь явно не хватает... А где тот рыжеволосый крысенок с лживыми глазами?

Один пожал плечами.

– Локи? Понятия не имею.

³⁷ Количество богов Асгарда (асов и ванов) в скандинавской мифологии каждый раз называется разное. Некоторые из сыновей Тора – например, Магни и Моди, – вообще не упоминаются. Список богинь тоже сперва включает четырнадцать «асинь», но потом в него добавляются Соль и Мани, а также некоторые другие богини и даже валькирии – воинственные девы, подчиненные Одину и участвующие в распределении побед и смертей в битвах. Валькирии же уносят павших героев в Вальхаллу.

– Бегают с моим конем, вот он где! – выкрикнул строитель, сжимая кулаки. – Я так и знал, что это не простая кобыла! Это было ясно по цветам ее ауры! Вы обманули меня, двуличные ублюдки! Огарки проклятые! Сукины дети!

И он, открыв всем свое истинное обличье, бросился на Одина. «Строителем» оказался представитель одного из враждебных нам диких горных племен, огромный, тяжеловесный и смертельно опасный великан. Но и наш Тор не дремал; ему удалось мгновенно одолеть противника; одним-единственным ударом могучего кулака Громовержец раскроил великану череп. Удар был такой силы, что содрогнулся весь Асгард, однако новые каменные стены были прочны и устояли – не зря строитель это нам обещал. Мы наконец-то обрели настоящую цитадель – причем, если не считать недостроенных ворот, по сходной цене.

Что же касается Вашего Покорного Слуги, то в Асгард я вернулся еще не скоро. И привел с собой жеребенка – весьма необычного, о восьми ногах и прелестного земляничного оттенка.

Проходя по Радужному мосту, я послал Хеймдаллю воздушный поцелуй.

Страж богов, мрачно на меня глядя, заявил:

– До чего же все-таки ты отвратителен! Неужели и эту тварь ты породил³⁸?

Я одарил его самой очаровательной своей улыбкой и сообщил:

– Я всего лишь прихватил с собой одного на племя. Кстати сказать, вскоре ты убедишься, что остальные с куда большей радостью отнесутся к моему возвращению. А что касается нашего Генерала... – и я ласково потрепал жеребенка по шее, – то Слейпнир – так зовут моего маленького восьминогого дружка – будет ему очень даже полезен. Он унаследовал волшебную силу своего отца-жеребца, а заодно и мою, и это позволит ему легко пересекать любое пространство на земле и на море, странствовать по всем мирам одновременно – ведь у него целых восемь ног! – и одним прыжком пересекать небосвод, быстрее, чем это делают Солнце или Луна.

– Ловкий ты, сволочь! – проворчал Хеймдалль.

Я только усмехнулся. И, взяв Слейпнира под уздцы, двинулся по мосту Биврёст домой, в Асгард.

³⁸ Намек на троих «внебрачных» детей Локи: повелительницу Царства мертвых – Хель, змея Ёрмунганда и волка-оборотня Фенрира.

Урок седьмой. Волосы и красавица

*Никогда не доверяйте своим любовникам.
Локабренна*

После этого случая обитатели Асгарда более или менее приняли меня в свою среду. Я, впрочем, давно уже понял, что мне никогда не стать одним из них, таких популярных в народе. Но моя маленькая проделка с лошадьми сумела, наконец, растопить лед, и то злобное презрение, которым поливали меня в течение многих месяцев, сменилось чем-то вроде безмолвной терпимости. Я снова был обласкан Стариком, и, естественно, остальные боги тут же последовали его примеру, не считая Хеймдалля, разумеется (по-моему, я уже говорил, что он меня ненавидит?), и Фрейи, которая так и не простила мне, что я пообещал отдать ее замуж за какого-то горного великана.

И все же отныне я обрел некую свободу действий и вполне определенную репутацию. Теперь все называли меня трикстером, то есть трюкачом, и прощали мои невинные шалости и проступки. Эгир стал приглашать меня к себе, и мы с ним вместе не раз выпивали. Его жена, ласково поглядывая на меня миндалевидными глазами, спрашивала, не хочу ли я научиться плавать. Бальдр великодушно предложил мне участвовать в соревнованиях по футболу между асами и ванами. Один повысил меня до ранга капитана; Браги писал обо мне баллады; а дамы до такой степени наслаждались моим обществом, что Фригг, жена Одина, всегда относившаяся ко мне по-матерински, то и дело заводила не слишком тактичные разговоры о том, что хорошо бы мне жениться, пока какой-нибудь ревнивый супруг не поймал меня и хорошенько не проучил.

Возможно, именно угроза брачных уз и заставила меня нарушить границы приличий; а может, просто Хаос в моей крови восстал против неестественно жестких правил этого мира. Так или иначе, но уж Один-то должен был предвидеть подобное развитие событий. Вы же не пытаетесь растопить очаг у себя дома с помощью греческого огня, верно? Вряд ли можно рассчитывать, что греческий огонь так и останется в очаге. Вот и Тору следовало понять, что нельзя оставлять такую прелестницу, как его жена Сив, одну и покидать свой дом, когда ему вздумается, а ей предоставлять полную свободу действий и возможность самой о себе заботиться. Вот она и...

Ну, хорошо, хорошо. Каюсь. Я был зол на Тора. Он чрезвычайно грубо вел себя по отношению ко мне во время той истории с крепостными стенами Асгарда, и я, вероятно подсознательно, постоянно искал возможность с ним за это по квитаться. К тому же у него была очень хорошенькая жена – Сив Золотоволосая, так ее у нас прозвали. Она считалась богиней красоты и плодородия и действительно была очень хороша собой, но, к сожалению, не слишком умна, да к тому же склонна к тщеславию, так что соблазнить ее ничего не стоило.

В общем, я слегка за ней приударил, наплел ей всяких небылиц, и так, одно за другим... В общем, до поры до времени все было просто замечательно. Тор ночевал в своих личных покоях, находившихся довольно далеко от спальни Сив, так что репутации моей очередной возлюбленной ничто не грозило – но, увы, однажды Ваш Покорный Слуга решил (видимо, в приступе предрассветного безумия) ознаменовать свою победу захватом некоего трофея. И самым подходящим трофеем ему показались волосы спящей Сив, золотым снопом рассыпавшиеся по подушке.

Ну застрелите меня! Я взял и отрезал их.

Справедливости ради скажу, что я был уверен: она легко сможет снова их отрастить или просто возьмет и временно изменит свой облик, как это делаю я. Но я ошибся. Да и откуда мне было знать такие вещи? По всей видимости, асы не были способны до такой степени менять

свое обличье, как это умели делать ваны³⁹. Но у богини плодородия, как оказалось, слишком многое было завязано на волосах, если можно так выразиться; собственно, в волосах-то и была заключена ее сила, а я, не зная об этом, одним взмахом ножа ограбил ее, лишив не только красоты, но и внешнего облика истинной богини.

Разумеется, в том не было моей вины – но, хорошенько подумав, я все же решил, что разумнее всего смыться, пока дама не проснулась. Волосы я так и оставил на подушке; может, она захочет сделать из них парик или шиньон? А может, мне удастся убедить ее, что случившееся стало трагическим результатом злоупотребления перекисью, с помощью которой она обесцвечивала волосы, чтобы затем придать им чудесный золотистый оттенок? Но я в любом случае был уверен, что Сив не осмелится рассказать Тору о нашей ночи любви.

Ну, в этом отношении я оказался прав. Однако я не принял в расчет тот факт, что Тор, явившись домой после очередной поездки⁴⁰ и увидев, что его жена внезапно вздумала постричься «под эльфа» (лет за пятьсот до того, как эта стрижка войдет в моду), мгновенно – и совершенно несправедливо! – делает вывод о том, что виноват во всем, скорее всего, Ваш Покорный Слуга.

– А как у нас с презумпцией невиновности? – возмутился я, когда Тор бесцеремонно выволок меня из дома и швырнул к подножию трона Одина.

Старик повернулся ко мне своим незрячим глазом, зато Сив, прикрывшая голову затейливым тюрбаном и устроившаяся с ним рядом, смотрела на меня во все глаза, и от ее испепеляющего взгляда, казалось, любые всходы даже на далеких полях тут же сгниют на корню.

– Но это же просто шутка! – пролепетал я.

Тор схватил меня за волосы и рывком заставил подняться.

– Ах, шутка?!

Я прикинул, не превратиться ли мне в греческий огонь, но на Торе, как всегда, были его несгораемые латные перчатки, а это означало, что даже такое обличье Вашего Покорного Слугу не спасет.

– Кстати, вы не находите, что с такой прической Сив выглядит просто сногшибательно? – спросил я, бросая на Сив призывные взгляды. Некоторым женщинам действительно очень к лицу короткая стрижка, но даже я не сумел бы заставить себя сказать вслух, что Сив из их числа. – Хорошо, я готов просить прощения. Я виноват, виноват! Что тут еще скажешь? Просто во мне иногда пробуждается Хаос. Вот я и захотел посмотреть, что получится, если...

– Ну, теперь ты это узнал, – прорычал Тор, – и для начала я переломаю все твои жалкие кости. Одну за другой. Как тебе такая шутка?

– Лучше бы ты все же так не шутил, – сказал я. – Я еще не очень хорошо умею справляться с такой вещью, как боль, а потому...

– Так это даже лучше! – хмыкнул Тор.

Я посмотрел на Одина.

– Братец, пожалуйста...

Один покачал головой и вздохнул.

– А что, собственно, ты от меня-то хочешь? – сказал он. – Ты же волосы его жене отрезал! А значит, заслуживаешь наказания. Выбирай: или расплачивайся за совершенное преступление, или убирайся вон из Асгарда. Решай. Я сделал все, что мог, и умываю руки.

³⁹ Ваны – более древняя, чем асы, группа скандинавских богов. Им приписывают кровосмесительные связи между братьями и сестрами (Фрейр и Фрейя), особое колдовство (сейдр) и пророческий дар. Злая колдунья Гульвейг-Хейд тоже из ванов. Исследователи полагают, что в мифах о войне асов и ванов нашла отражение борьба культов местных и пришлых племен, закончившаяся консолидацией общины богов.

⁴⁰ Тор, рыжебородый богатырь, постоянно ездит по свету с молотом Мьёлльниром в руках и в повозке, запряженной козлами, имена которых Тангниостр и Тангриснир напоминают грозное скрежетание зубов и грохот грома.

– И ты способен вышвырнуть меня из Асгарда? – спросил я, потрясенный до глубины души. – Знаешь, что это означает? Ведь я уже не смогу вернуться в Хаос и буду совершенно беспомощен, если вдруг кому-то из горных великанов захочется отомстить мне за ту проделку с их сородичем, когда вы не захотели платить за построенную им крепость.

Но Один только плечами пожал и повторил:

– Выбирай.

Ничего себе выбор! Я посмотрел на Тора.

– Недостаточно моего искреннего извинения?

– Только в том случае, если оно будет действительно искренним, – сказал Тор. – Впрочем, я тебе обещаю: ты так сильно почувствуешь свою вину, что не только от всего сердца попросишь прощения, но и... – И он замахнулся на меня кулаком. Я закрыл глаза...

И тут меня осенило.

– погоди! – воскликнул я. – У меня появилась идея! Что скажешь, если у Сив вырастут новые волосы, еще более красивые, чем прежде?

Сив что-то презрительно буркнула и заявила:

– Я не ношу парики, если ты об этом!

– Нет, я имею в виду вовсе не парик! – Я открыл глаза и посмотрел на нее. – Это будет просто накладка из длинных волос, сделанных из чистого золота, и эти волосы будут расти, как настоящие. И их не нужно будет ни завивать, ни укладывать, ни красить, ни...

– Я волосы не крашу! – возмутилась Сив.

– Пожалуй, я все-таки его стукну! – пробормотал Тор.

– И позволишь, чтобы волосы твоей жены отрастали сто лет? Ну, если тебе хочется так долго ждать...

Тор равнодушно пожал плечами, а вот Сив, как я заметил, мое предложение явно заинтриговало. Ей страшно хотелось вернуть прежнее обличье богини, и она прекрасно понимала: мимолетное удовлетворение от того, что ее муженек сейчас меня прикончит, не сможет компенсировать утрату волос.

Она так остро глянула на меня, что ее взгляд мог краску со стены содрать, и положила руку Тору на плечо.

– Прежде чем хорошенько его отколошматить, дорогой, давай все же послушаем, что он предлагает. Побить его всегда успеешь...

Тор посмотрел на нее с сомнением, но меня все же отпустил и спросил:

– Ну?

– Я знаю одного мастера, – сказал я. – Он кузнец. И не просто кузнец, а настоящий гений, великолепно владеющий искусством обработки металлов, а также магией рун. Он способен мгновенно выковать для Сив целый сноп золотых волос. И, возможно, приложит к столь выгодному для него заказу еще несколько подарочков. Просто в знак расположения к богам.

– Он, должно быть, твой близкий друг? – задумчиво спросил Один.

– Э-э-э... не то чтобы друг... – сказал я. – Но думаю, что сумею убедить его нам помочь. Тут главное дело – обеспечить ему и его братьям верный стимул...

– И ты действительно способен это обеспечить? – спросил Тор.

Я усмехнулся.

– Я и на многое другое способен! – заверил я его. – Я же Локи!

Урок восьмой. Прошлое и настоящее

*Никогда не доверяйте мастерам своего дела.
Локабренна*

Итак, получив отсрочку смертного приговора, я пешком покинул Асгард и отправился на поиски того, кто спасет мою шкуру. Двалин – вот как его звали, и был он кузнецом, одним из сыновей Ивалди, и вместе с тремя братьями держал кузницу в пещерах Нижнего мира. Все они были подземными жителями, добывали золото в бесчисленных туннелях, и не было им равных в своем ремесле. Но для меня было гораздо важнее то, что они также являлись сводными братьями Идунн Целительницы, и я предполагал, что если я назовусь ее близким другом, цверги⁴¹ наверняка будут обязаны сделать мне одолжение.

География, как и история, подлежит циклическим изменениям. В те времена, например, Девять миров были существенно меньше, чем в наши дни, и не до такой степени подчинялись законам природы. Не верите? Взгляните на карты. И потом, у нас, естественно, имелись свои собственные способы для пересечения границ между мирами. Иной раз требовалось прибегнуть к рунам – например, руна *Раедо*, «странник», обеспечивает для этого немало возможностей, – а иной раз можно было просто пересечь границу пешком или перелететь через нее, если обладаешь достаточными навыками ориентации в воздушном пространстве. Я специально отправился в Нижний мир пешком, желая убедить богов в искренности моего раскаяния; но стоило мне покинуть пределы равнины Идавёлль и углубиться в Железный лес, как я стал искать возможность срезать путь. Через этот лес протекала река Гуннтра, связывающая Девять миров с первоначальным источником всех вод⁴² и страной мрака, Нифльхеймом, где находятся Царство смерти, река Сновидений и Пандемониум. Ну, так далеко я, собственно, идти не собирался, но в Нижний мир мне спуститься пришлось: Подземный народ любит уединение. В общем, у меня ушел почти целый день на то, чтобы добраться до их вонючего «царства».

Знаменитых кузнецов я нашел, естественно, у них в мастерской, размещавшейся глубоко под землей, в пещере. Сквозь трещины в стенах пещеры просвечивала кипящая лава – она, собственно, и служила единственным источником света, если не считать кузнечного горна. В моем исходном воплощении мне были бы нипочем и этот подземный жар, и эти ядовитые испарения, но мое человеческое тело к подобным испытаниям готово не было.

Тем не менее, я подошел к кузнецам и, одарив всех четверых самой обаятельной из своих улыбок, сказал:

– Приветствую вас, сыновья Ивалди, от имени всех богов Асгарда!

Они дружно повернулись ко мне, освещенные мрачными отблесками пламени, пылавшего в горне. Сыновья Ивалди были удивительно похожи друг на друга: желтоватая, болезненного вида кожа, глубоко запавшие глаза, сутулые спины, опаленные постоянной работой с огнем и раскаленным металлом руки и лица. Подземный народ редко поднимается на поверхность земли. Солнечный свет режет им глаза. Они живут и работают в туннелях; они там спят, вдыхая отвратительные, вонючие испарения, и питаются червями, жуками и сороконожками; собственно, вся их жизнь заключена в изготовлении различных предметов из драгоценных

⁴¹ Согласно мифам это карлики, которые первоначально были червями в теле великана Имира, из которого был сделан мир. Цверги живут в земле, подобно червям, и боятся света, ибо солнечные лучи превращают их в камень. Цверги – искусные кузнецы, и, хотя асы и ваны называют их «червями», они изготовили для них немало волшебного оружия и всевозможных украшений. Цвергов еще называют «темными альвами», противопоставляя их «белым альвам», живущим на поверхности земли; в более поздних легендах они стали называться «эльфами».

⁴² Хвергельмир, «кипящий котел», в скандинавской мифологии – поток, из которого вытекают все реки и ручьи; он находится под корнями Иггдрасиля вместе с другими важными источниками.

камней и металлов, которые они добывают под землей. На мой взгляд, жизнью это назвать трудно. Ничего удивительного, что Идунн от них сбежала, прихватив молодильные яблоки, свадебный подарок ее отца.

Когда глаза немного привыкли к полумраку, царившему в пещере, я увидел, что все стены в ней увешаны и уставлены чудными вещами, созданными этими великими мастерами. Там было очень много изделий из золота – всевозможные украшения, мечи, щиты и другое оружие; все было украшено тонкой чеканкой, все сверкало мягким блеском драгоценных камней, все хранилось в почти полной темноте.

Некоторые изделия носили чисто декоративный характер: браслеты, кольца, венцы, причем некоторые были до такой степени изысканными и хитроумными, что просто с ума сойдешь, а некоторые наоборот, были, я бы сказал, поэтически просты. Находились там и предметы, из которых прямо-таки сочилось заключенное в них волшебство; их поверхность покрывала прихотливая и филигранная руническая вязь, и я мог лишь догадываться об их истинном предназначении.

Я никогда не испытывал особой любви к золоту, но в мрачных чертогах Подземного народа во мне вдруг проснулась странная жадность, даже алчность; я смотрел на все эти прекрасные сверкающие вещи и думал об одном: как бы их присвоить. Должно быть, это отчасти было связано с заключенной в них магией, с той магией, которая пронизывает весь Нижний мир подобно жиле драгоценного металла. Эта магия делает мужчин алчными, а женщин бесчестными; и тех, и других она ослепляет ярким блеском порочных страстей. Длительное пребывание в этих местах способно свести человека с ума – он не выдержит золотого сияния этих вещей и их коварной магии, не выдержит просачивающихся в трещины ядовитых испарений. Да и мне надо было поскорее выбираться оттуда. Но прежде я должен был раздобыть для жены Тора золотые волосы. А если мне удастся убедить этих карликов прибавить к подарку Сив и еще кое-что...

Я на шаг приблизился к цвергам и сказал:

– Вам также шлет привет ваша сестра – Идунн Целительница, Идунн Прекрасная, Хранительница Золотых Яблок!

Сыновья Ивалди дружно уставились на меня; их глаза, посверкивая, так и бегали в глубоких глазницах, точно жуки. Наконец Двалин шагнул вперед. Я немало о нем слышал и знал, что он хромает, потому что правая его ступня искалечена – это следствие неудачного стечения обстоятельств, о которых я, возможно, расскажу позднее (не то чтобы я сам был в этом замешан... ну, по крайней мере, если и замешан, то не так уж сильно). Я надеялся, что он не точит на меня зуб; впрочем, было бы еще лучше, если бы он вообще меня не узнал в новом облике.

– Приветствую тебя, Двалин, – сказал я, – а также всех твоих близких. Я принес вам из Асгарда замечательную весть. Ты и твои братья были признаны лучшими из всех мастеров Нижнего мира, и боги решили поручить вам некое весьма деликатное дело; если вы сумеете выполнить это задание, ваши имена будут прославлены в веках и станут известны во всех мирах. Всего лишь небольшое усилие с вашей стороны – и вы, сыновья Ивалди, разделите славу и великолепие с самим Асгардом, с Асгардом Золотым, с Асгардом Прекрасным, с Асгардом Вечным...

– Ну, а нам-то какая от этого выгода? – прервал меня Двалин.

– Вы же обретете всемирную славу, – широко улыбаясь, повторил я, – и сознание того, что вы самые-самые лучшие! Ведь именно поэтому Один из всех кузнецов Нижнего мира выбрал именно вас!

Вот так их и ловят. Я это знал еще по старым временам. Подземных Червей ничем обычным подкупить нельзя; у них и так полно золота и всевозможных сокровищ. У них нет иных страстей, кроме собственного ремесла, но они очень честолюбивы. Я знал, что они будут не в

силах противостоять брошенному им вызову и постараются доказать, что именно они – мастера наивысшего класса.

– Что именно тебе нужно? – спросил Двалин.

– А что у тебя есть? – в тон ему спросил я и улыбнулся.

Подземному народу понадобилось не так уж много времени, чтобы подготовиться к выполнению той задачи, которую я перед ними поставил. Я подробно разъяснил все насчет волос Сив – опустив, разумеется, причину их утраты, – и кузнецы дружно рассмеялись; надо сказать, смех этот звучал весьма мрачно.

– И это все? – спросил Двалин. – Да такую ерунду любой ребенок сделает! Разве ж это вызов?

– Мне также нужно, чтобы вы изготовили два особых подарка – для моего брата Одина, предводителя асов, и для Фрейра, предводителя ванов, – сказал я.

Это с моей стороны был чисто политический шаг; Фрейр на самом деле был всего лишь одним из предводителей ванов, но весьма влиятельным. Оказывая ему особую любезность и предпочитая его другим могущественным богам – Хеймдаллю, например, – я определенным образом возвышал его в глазах почитателей. Если повезет, он это вспомнит, когда придет черед награждать меня; кроме того, он был братом Фрейи, которую мне необходимо было снова перетянуть на свою сторону.

Двалин кивнул и вместе с братьями принялся за работу. Они работали слаженной командой, действуя четко и не без изящества. Один готовил к выплавке руду, второй чертил в воздухе руны, третий раздувал пламя в горне. Затем они стали ковать раскаленный металл, и один из них завершал работу, полируя каждый волос с помощью мягкой тряпицы.

В дар Одину предназначалось волшебное копье; прямое, легкое, оно было поистине прекрасно, а его древко украшала резьба в виде целой цепочки рун. Это было действительно царское оружие, и я внутренне усмехнулся, когда представил себе, как будет удивлен и доволен Старик, получив его.

– Это Гунгнир, – сказал Двалин. – Он не дает промаха в бою и всегда летит точно в цель. Благодаря ему твой брат станет неуязвимым, но он должен постоянно держать это копье при себе.

Второй дар, предназначенный Фрейру, был больше похож на игрушку; это был крошечный хрупкий кораблик – я даже удивился, как это Двалин своими огромными загорбелыми ручищами сумел сотворить такое. Когда кораблик был готов, он с гордостью заявил:

– Это Скидбладнir⁴³, величайший из кораблей. Он всегда имеет попутный ветер, никогда не сойдет с курса и не утонет. А когда плавание завершено, его можно сделать совсем маленьким, сложить и сунуть в карман. – Двалин пропел какое-то заклинание, и кораблик сам собой свернулся, как лист бумаги, в несколько раз и стал размером с серебряный компас. Цверг сунул его мне в руку, и я искренне восхитился:

– Прекрасно! – Я понимал, что такому подарку сын Ньёрда обрадуется больше всего. – А теперь все-таки сделай волосы для Сив, если тебе не трудно.

И тогда сыновья Ивалди притащили золотой самородок, и один из них плавил золото в огне горна, второй мгновенно с помощью колесика превращал его в тончайшую нить, третий колдовал с помощью рун, а четвертый поистине соловьиным голосом выпевал заклинания, способные вдохнуть жизнь в золотые нити. Наконец, с волосами для Сив было покончено; они блестели, как редкостное украшение, и были тонкими и мягкими на ощупь, как шелк.

– Но будут ли они расти? – с некоторым недоверием спросил я у Двалина.

⁴³ То есть «сложенный из тонких досочек». Этот корабль вмещал любое количество воинов.

– Конечно, будут. Как только она приложит эти волосы к голове, они станут ее неотъемлемой частью. Ее золотые кудри станут еще прекрасней, чем прежде, и красотой она легко сможет соперничать даже с Фрейей.

– Правда? – Я снова усмехнулся про себя: Фрейя весьма ревниво относилась к своему положению первой красавицы. Я решил, что эта мысль мне вполне может пригодиться впоследствии. В конце концов, у каждого есть слабости, а я поставил себе целью узнать их все. Слабость Двалина заключалась в том, что он чрезвычайно гордился собственной работой, и я, принимая три бесценных дара, не поскупился на похвалы, вознося его до небес.

– Должен признаться, что я немного сомневался в тебе, – сказал я, собираясь уходить. – Я знал, что ты отличный мастер, но и предположить не мог, *на что* ты действительно способен. Ты и твои братья – поистине великие мастера, самые лучшие из всех мастеров Нижнего мира! Именно так я и скажу в Асгарде.

Ну, немного лести никогда не повредит, решил я, а теперь, пожалуй, пора и домой, ведь добыча уже у меня в руках. Я повернулся, намереваясь начать подъем в Верхний мир. Я устал, как собака, и весь взмок из-за мерзких испарений и жарко горящего пламени; мне страшно хотелось как следует вымыться, но душа прямо-таки пела благодаря одержанной мною маленькой победе. Уж это-то послужит Одину отличным доказательством моей преданности и полезности! А самодовольный ублюдок Хеймдалль пусть прова...

И вдруг путь мне преградила чья-то темная фигура. Оказалось, что это еще один подземный мастер по имени Брокк, который считался главным соперником Двалина. Больше всего он походил на коротконового коренастого бульдога с выпученными глазами цвета черной смородины и ручищами толщиной с бревно.

– Я слышал, ты просил Двалина кое-что для тебя сделать, – сказал он, глядя на меня из-под тяжелых бровей.

Я согласно кивнул.

– И ты остался доволен выполненной работой?

– Более чем, – подтвердил я. – Двалин и его братья – превосходные мастера.

Брокк оскалил зубы в неприятной усмешке.

– Ты считаешь их «превосходными мастерами»? Тебе и твоим приятелям следовало бы сперва к нам заглянуть. Всем известно, что истинные короли Нижнего мира – это мы с братом.

– Ну, сказать-то легче, чем сделать, – пожал я плечами. – Если ты хочешь доказать справедливость собственных слов, то сделай нечто лучшее, чем сумели сделать сыновья Ивалди. Иначе для Асгарда ты так и останешься просто любителем, а не профессионалом.

Я понимаю: зря я поймал его на этот крючок. Но уж больно он действовал мне на нервы, и потом, я очень хотел поскорее оттуда выбраться.

– Любителем? – переспросил он. – Я тебе покажу, кто здесь любитель! Заключим пари, Трикстер. Я сделаю для тебя три подарка и вместе с тобой отправлюсь в Асгард, вот там мы и посмотрим, чья работа лучше. Пусть решает ваш Генерал.

В свою защиту я могу сказать лишь, что испарения Нижнего мира, должно быть, заставили мой разум помутиться. К тому же все это золото, вся эта магия... а теперь еще и возможность кое-что прихватить дополнительно, да еще даром... И потом, дети Хаоса никогда не могут устоять, если им предложено пари.

– А почему бы и нет? Я готов, – сказал я, полагая, что принесу асам еще три подарка при минимальном риске со своей стороны. Да я был бы полным дураком, упустив такой шанс! – Итак, на что мы ставим?

Брокк хмуро на меня посмотрел и буркнул:

– Ты опорочил мое доброе имя. Теперь весь Нижний мир считает, что Двалин работает лучше, чем я. Я должен восстановить справедливость.

– Каким образом?

– Я ставлю свою работу против твоей головы. – И он крайне неприятно улыбнулся.

– Вот как? И всего-то? – съязвил я, чувствуя себя неуютно. Эти художественные натуры могут порой проявлять чрезмерную настойчивость. И потом, хотелось бы знать, для чего ему моя голова?

– Я прибью ее к полу, чтобы она не давала дверям закрываться, – сказал Брокк, словно прочитав мои мысли. – И тогда все, кто будет приходить ко мне в мастерскую, сразу поймут, что ждет того, кто осмеливается принижать мое мастерство.

«Прелестно!» – подумал я. Но пари есть пари.

– Согласен, – сказал я Брокку. – Но в таком случае тебе самому придется ее отрезать.

Он снова улыбнулся – если этот жуткий оскал можно было назвать улыбкой. Зубы у него были желтые и острые, как обломки янтаря.

– Уж я отрежу! – пообещал он. – Если тебе повезет, я буду орудовать ножом. А если нет...

– Ладно, приступай к работе, – произнес я.

Не самая удачная шутка, если честно. Но я был совершенно в себе уверен. У меня в рукаве было спрятано еще немало разных трюков, и потом, как только я попаду в Асгард и раздам принесенные подарки, глядя на всех невинными глазами, мне будет совершенно нечего бояться.

Увы, эти рассуждения лишь доказывают, как сильно мы порой способны заблуждаться.

Урок девятый. Молот и щипцы

*Никогда не доверяйте насекомым.
Локабренна*

Мастерская Брокка была совсем не похожа на мастерскую Двалина и его братьев. Во-первых, у него был самый обычный горн, и он пользовался обычным топливом, а не жаром преисподней, как сыновья Ивалди. Во-вторых, в помощниках у Брокка был его брат Синдри, который выглядел разве что чуть лучше полоумного, хотя я все же надеялся, что кое-какие мозги у него все-таки есть. Никаких готовых вещей в этой мастерской выставлено напоказ не было – ни оружия, ни украшений; на полу лежала только груда исходного материала: руда, пустые мешки, звериные шкуры, куски дерева и какой-то мусор, пригодный скорее для тележки старьевщика, чем для студии тонкого мастера. А уж вонь там стояла просто жуткая: пахло застарелым потом, козлом, дымом, горелым маслом, серой... Трудно было представить, что в таком бедламе можно создать нечто путное.

Однако в душе моей шевелились невнятные подозрения, которые только усилились, когда я немного понаблюдал за работой братьев. С первого взгляда они казались неловкими и медлительными, но вскоре я понял, что у Синдри весьма умелые руки, а Брокк еще и настоящий силач; особенно это было заметно, когда он работал с гигантскими мехами, раздувая огонь в горне.

Пока я глядел на них, в голову мне пришла неожиданная идея.

– Пожалуй, я выйду наружу, подышу воздухом, – сказал я. – Позовите, когда закончите.

Я вышел в туннель и быстренько превратился в муху. Точнее, в овода. Быстрого, ловкого, надоедливого и очень больно кусающегося овода. Затем я незаметно влетел в кузню и, устроившись в темном уголке, стал смотреть, как Брокк выбирает золотой самородок и кидает его в раскаленную пасть горна.

Синдри тем временем колдовал над огнем с помощью рун. Его манера показалась мне несколько эксцентричной, но действовал он быстро и эффективно, и я с любопытством смотрел, как этот кусок золота, вращаясь над горящими углями, начинает приобретать форму.

– Давай, давай, Брокк! – подгонял брата Синдри. – Качай быстрее! Если золото раньше времени остынет...

Брокк изо всех сил принялся раздувать гигантские мехи, а Синдри тонким и длинным пальцем с невероятной скоростью рисовал в воздухе руны.

Я слегка занервничал. Кусок золота, словно висевший в воздухе между братьями-цвергами, быстро превращался в нечто прекрасное. Это выглядело впечатляюще. Я не стал больше ждать: с жужжанием подлетел к Брокку, по-прежнему качавшему мехи, и больно укусил его в руку. Он чертыхнулся, но даже не вздрогнул, и через несколько секунд изделие было завершено: это был чудесный золотой браслет, на поверхности которого виднелись сотни выгравированных рун.

А я быстренько нырнул в туннель, вернул себе человеческий облик и оделся.

Я успел вовремя: через минуту в туннель вышел Брокк и, увидев меня, показал мне золотой браслет.

– Это Драупнир, – с усмешкой молвил он. – Мой подарок вашему Генералу. Каждую девятую ночь он будет рождать восемь точно таких же браслетов. Посчитай сам, Трикстер. Я только что создал для вашего народа источник бесконечного обогащения. Вполне царский подарок, тебе не кажется?

– Неплохой, – пожал я плечами. – Но это копье делает Одина неязвимым. Какой из даров он предпочтет, как ты думаешь?

Брокк что-то сердито пробормотал себе под нос и снова исчез в мастерской. А я через некоторое время опять превратился в овода и последовал за ним.

На этот раз из груды материалов Брокк выбрал свиную шкуру и самородок золота величиной с кулак; то и другое он бросил в огонь и вновь принялся раздувать мехи, пока его братец произносил названия рун, чертя их в воздухе, и руководил процессом. Вскоре из горна, из самого его золотистого нутра, стало вылезать нечто очень большое, злобно рычавшее, скалившее зубы и яростно сверкавшее глазами янтарного цвета.

Я поспешно подлетел к Брокку и сильно ужалил его в шею. Он вскрикнул, но качать мехи не перестал. И через несколько мгновений Синдри извлек из очага гигантского золотого кабана, а я полетел обратно в туннель, превратился в человека и оделся.

– Это Гуллинбурсти⁴⁴, – проговорил Брокк, демонстрируя результат их совместных трудов. – Он будет во-зить на спине Фрейра из одного конца небосвода в другой, освещая собою путь.

Он произнес это с какой-то странной интонацией, которая мне совсем не понравилась, но я как ни в чем не бывало снова пожал плечами и сказал:

– Неплохо. Но сыновья Ивалди уже подарили Фрейру господство над океаном. Кстати, вы не забыли о нашем Громовержце? Чтобы угодить Тору, вам придется приложить немало усилий. Сыновья Ивалди подарили ему жену, красота которой будет предметом зависти для всех женщин и источником страсти для всех мужчин. Можете вы с братом предложить нечто большее?

Брокк гневно на меня глянул и, не сказав ни слова, ушел в мастерскую. Я же в обличье овода последовал за ним и стал смотреть, как он, все еще сердито сверкая глазами, выбирает в грудке материалов кусок железной руды размером с собственную голову и бросает его в пылающий горн. Затем Синдри, как всегда, принялся с помощью рун придавать изделию форму, а Брокк стал качать мехи так усердно, что лицо его побагровело.

Я уже догадался, что третий артефакт – это нечто совершенно уникальное. Интересно, что же это все-таки такое? Оружие? Похоже на то. Рождающийся на свет предмет имел форму руны *Тхурис*, и от него прямо-таки во все стороны разлетались искры магической энергии. Мне непременно нужно было сделать так, чтобы на этот раз изделие получилось с брачком. Я ринулся на Брокка и ужалил его в лицо, прямо между глазами, причем ужалил очень сильно, до крови. Брокк гневно взревел и взмахнул рукой, желая меня отогнать; в результате он на мгновение, на какую-то секунду, не больше, приостановил свою нелегкую работу, и Синдри тут же испуганно вскрикнул:

– Нет! Нет! Не останавливайся!

Брокк сразу удвоил усилия, но было поздно: оружие, уже начавшее обретать форму в горне, стало терять свою сущность. Синдри выругался и принялся с невероятной скоростью чертить в воздухе магические знаки, но мог ли он этим спасти столь тонкую работу? Вряд ли. Даже если ему и удастся что-то сделать, думал я, идеальным предмет уже не будет.

Я улетел в туннель, вернул себе человеческое обличье (и одежду) и стал ждать, когда из мастерской появится Брокк. Он появился не сразу; из проделанной мною дырки у него во лбу все еще струилась кровь; в руках он держал нечто, завернутое в тряпицу.

– Ну что? – спросил я.

– Вот. – И Брокк развернул тряпицу.

Это был боевой молот, очень тяжелый и страшный; от острия до кончика рукояти он был весь покрыт магическими рунами; рукоять, впрочем, была несколько коротковата, но это,

⁴⁴ Вепрь Гуллинбурсти, «Золотая щетинка», является постоянным атрибутом Фрейра, как и его чудесный корабль.

на мой взгляд, было его единственным недостатком. Поистине великолепное оружие! И, безусловно, совершенно уникальное. Оно, конечно же, станет желанным для Громовержца.

– Это Мьёлльнир, – прорычал Брокк и оскалился. – Величайший молот из всех, когда-либо выкованных. В руках Громовника он будет отлично защищать Асгард. Он всегда будет оставаться при Торе и станет служить ему верой и правдой; а если потребуется проявить скромность, молот сам сложится, как карманный нож, и...

– Прошу прощения, – прервал его я. – Что значит «проявить скромность»? Мы ведь, кажется, о молоте говорим?

Брокк снова оскалился, продемонстрировав ужасные зубы, и пояснил:

– Тор, разумеется, любит свою жену, но на друзей впечатление лучше производить, неожиданно вытащив из кармана маленькую штучку, которая превратится в гигантский молот. И больше Тору уже ничего не потребуется.

Я поморщился. Подземные Черви редко шутят, и шутки у них всегда какие-то грубые, неуклюжие.

– Мы подумаем, на кого и как лучше производить впечатление, – сказал я. – Но, по моему, у этого молота рукоять... э-э-э... немного коротковата.

– Это не так уж важно, – недовольно проворчал Брокк. – Гораздо важнее то, что этим молотом можно сделать. Ну что, двинемся в путь? Мы с братом еще пари должны выиграть.

И я повел их в Асгард.

Урок десятый. Иголка и нитка

Вообще-то, не доверяйте никому и никогда!
Локабренна

Когда мы прибыли во дворец Одина, я чувствовал себя спокойно и уверенно. Сив с нетерпением ждала меня (на голове у нее по-прежнему красовался тюрбан); Тор стоял с нею рядом и был мрачен, как грозовая туча. Один наблюдал за происходящим, сидя на троне, и его зрячий глаз поблескивал в предвкушении очередного спектакля. Хеймдалль выглядел несколько разочарованным – наверное, он никак не ожидал, что я выполню обещание – да еще с таким успехом! – и вернусь назад. А богини – особенно Сигюн, которая строила мне глазки с тех пор, как я впервые появился в Асгарде, – смотрели на меня выжидающе и явно думали, смогу ли я еще раз уделить каждой хотя бы один денек.

Брокк, при свете дня выглядевший (и пахнувший) еще более отвратительно, стоял рядом со мной со своими дарами – молот он засунул за пояс, а рычавшего золотого вепря Гуллинбурсти держал на цепи.

– Это еще кто такой? – спросил Старик.

Брокк объяснил, кто он, и сообщил о заключенном пари.

Один удивленно поднял бровь и сказал:

– Ну что ж, покажите нам эти дары, а уж мы постараемся оценить их по заслугам.

Я пожал плечами.

– Мне кажется, ты сочтешь... – но Один тут же меня прервал:

– погоди, Трикстер. Давай сначала посмотрим.

Ладно. Я выложил свои дары, а Брокк – свои. После длительной паузы, показавшейся мне бесконечной, Один выдал свое суждение.

– Сыновья Ивалди поработали на славу, – сказал он. – Их работа поистине замечательна.

– Не правда ли? – Я подмигнул Сив, которая уже нацепила новые волосы. Двалин не обманул, пообещав, что искусственные волосы будут в точности совпадать по цвету с собственными волосами Сив, а заключенная в них магия полностью восстановит ее божественный облик.

Она сердито на меня глянула, но была вынуждена признать, что все нормально.

– А как насчет копья? – спросил я. – И этого серебряного компаса, который превращается в огромный корабль?

Один кивнул и сказал:

– Они хороши. Но ведь и у Брокка дары тоже замечательные. Особенно этот молот Мьёлльнир.

– Как? Этот неуклюжий молот со слишком короткой рукоятью?

Один холодно улыбнулся.

– Верно, рукоять немного коротковата. Но все же молот просто восхитителен. Он производит куда более сильное впечатление, чем мое копье или магический меч Фрейра Потрошителя. А в руках Тора он и вовсе будет означать для нас конец оборонительных действий и переход к решительному наступлению.

Тор, бережно положив Мьёлльнир на стиб руки, поддержал Одина:

– Совершенно с тобой согласен. Выигрывает Брокк.

Один повернулся к другим богам:

– А вы что думаете?

Фрейр кивнул:

– Я за Брокка.

– Хеймдалль?

– Выиграл Брокк.

– Ньёрд?

– Брокк.

– Бальдр?

Наш Золотой Мальчик печально вздохнул и промолвил:

– О боги! Но если честно, то выиграл, боюсь, все-таки Брокк.

Короче, все они, и асы, и ваны, один за другим заявили, что дары Брокка лучше. За исключением Сив, которая уже заплетала свои новые волосы в косы, Идунн, которая вообще оружие терпеть не могла, Браги, который уже трудился над моим посмертным гимном, и Сигюн, которая тревожно посматривала на меня, как мать на сына, и была готова в любую минуту в знак утешения ласково коснуться моего лба.

Я был возмущен до глубины души.

– Вы это серьезно?

Один пожал плечами:

– Извини. Но ты проиграл.

В темных глазах Брокка вспыхнул нехороший огонек.

– Я выиграл!

– Верно, – согласился я. – Ты у нас самый лучший. А насчет того дурацкого пари...

– Твоя голова принадлежит мне, – мгновенно прервал меня Брокк, вытаскивая из ножен здоровенный нож.

– Давай я лучше отдам тебе долг золотом, а? Сколько моя голова весит, столько и отдам, – попытался предложить я, отступая на пару шагов. Но Брокк отказался.

– Нет, не пойдет. Мне нужна твоя голова, чтобы любому, кто войдет в мою мастерскую, сразу стало ясно, как высоко я ценю собственную репутацию.

– Но я готов удвоить цену или еще как-нибудь с тобой расплатиться, – неуверенно произнес я, отступая еще на шаг.

Брокк усмехнулся, снова показав свои омерзительные зубы.

– Соблазн велик... но нет. Я возьму только голову.

– Ну, тогда попробуй меня поймать! – крикнул я и, превратившись в греческий огонь, мгновенно вылетел в окно, оставляя за собой дымный след. Но Тор оказался быстрее меня, и на нем, как всегда, были его огнеупорные перчатки.

– Э нет, не уйдешь! Превращайся обратно, – приговаривал он, схватив меня огромной ручищей.

Я вырывался, ругался, но, поняв, что мне не вырваться, все же вернул себе прежний облик. Только теперь я предстал перед высоким собранием абсолютно голый и весь покрытый сажей. Не самый лучший момент в жизни Вашего Покорного Слуги, если честно.

Я снова воззвал к Старику:

– Один, прошу тебя...

– Нет, дорогой, пари есть пари. Ты проиграл, и я ничего не могу поделать, – ответил он.

– Фрейр? Ньёрд? Ну, хоть кто-нибудь?..

Но, похоже, никто не собирался за меня заступаться. Мало того, мне показалось, что многие из этих бессердечных тварей тихо веселятся, видя мое отчаяние, а некоторые ублюдки и вовсе наслаждались в открытую! У Хеймдалля, например, глаза так и сияли, а Тюр уже и закуски притащил.

Тор швырнул меня к ногам Брокка. Я чувствовал себя побежденным, истерзанным, покинутым всеми. Однако мой острый ум не изменил мне и в эту минуту.

Я поднял руки вверх:

– Ладно, сдаюсь. – И, услышав, как Сигюн испуганно охнула, пригласил: – Брокк, прошу!

Брокк с готовностью взмахнул ножом и, схватив меня за волосы и заставив запрокинуть голову, приготовился вонзить страшный клинок в мое обнаженное горло. Но я успел остановить занесенную руку своего палача.

– Э-э-э... Брокк, погоди-ка минутку! По-моему, на кону стояла моя голова, не так ли?

Брокк в замешательстве посмотрел на меня.

– Ну да.

– Так с какой стати ты мне горло собираешься перерезать? – возмущенно спросил я. – Ну, допустим, голова моя отныне принадлежит тебе, но ведь шею-то свою я тебе не обещал! О ней даже и разговору не было. Так что, если оставишь на моей шее хоть царапину, нашей сделке конец. Пари есть пари. А вы, господа, разве с этим не согласны?

Брокк некоторое время молчал, переваривая мои возражения, потом пробурчал:

– Но как же я голову-то?..

– Как хочешь, но шею не тронь, – твердо сказал я.

– Так я же...

– Ты сам так решил. Сам же на этом настаивал.

– Но я же не могу снять с тебя голову, не тронув шеи!

– Тем лучше для меня! – усмехнулся я.

Брокк помрачнел. Я видел, что асы и ваны начинают улыбаться у него за спиной. Развеселился даже Тор, у которого чувство юмора вообще находилось в зачаточном состоянии.

Затем Брокк повернулся к Одину.

– Но это же несправедливо! Неужели ты позволишь ему выйти сухим из воды?

– Извини, Брокк, – сказал Один. – Это пари ты сам предложил. Я тут ни при чем. – Лицо его казалось суровым, как гранит, но я чувствовал, что про себя он улыбается.

Несколько мгновений Брокк тщетно пытался найти слова, чтобы выразить охватившее его возмущение. Кулаки его сжимались сами собой, он вздрагивал всем телом, а его и без того мрачное лицо прямо-таки потемнело от бешенства. Когда, наконец, он снова посмотрел на меня, его глаза сверкали, как угли в раскаленном горне.

– Ты, значит, думаешь, что тебе удалось меня обхитрить? – прорычал он. – Ну что ж, Трикстер, хоть я и не могу отрезать тебе голову, не касаясь шеи, но сама-то голова отныне принадлежит мне, и я могу делать с ней, что хочу. Так что для начала я привнесу в твой облик кое-какие улучшения.

– Да неужели? Ты, вероятно, хочешь сделать мне более эффектную стрижку? – спросил я с издевкой.

Брокк покачал головой.

– Нет, стрижка – это не ко мне. Зато я могу дать твоему болтливому хитрому языку отличный урок.

И он вытащил из кармана толстенную иглу для сшивания кожи и длинный тонкий кожаный шнурок.

– Ты что, шутишь? – спросил я, внутренне трепеща. Брокк усмехнулся.

– Наверно, ты удивисься, – сказал он, – но мы, подземные жители, не так уж любим шутить, как тебе могло показаться. Эй, кто-нибудь, подержите ему голову!

Держал меня Хеймдалль (ну, естественно, кто же еще! Причем Золоченый наверняка от души наслаждался!). А Брокк попросту зашил мне рот. Всего он сделал девять стежков, и каждый раз было так больно, словно в губы впивалась дюжина ос.

Но гораздо больнее было слушать, как смеются боги. Да, они смеялись надо мной, мои так называемые друзья! Им было смешно, когда я выл от боли и пытался вырваться. Никто из них и пальцем не пошевелил, чтобы мне помочь, даже Один, который клялся любить меня, как родного брата! Впрочем, теперь-то нам известно, что с *ними* случилось впоследствии, не так ли? Но тогда они весело смеялись. Смеялись все – Браги, Ньёрд, Фрейр, Хёнир, Тор и

даже этот ханжа Бальдр, который вечно пытается усидеть на двух стульях. В данный момент он, будучи полным слабаком, поддался влиянию старших богов.

Их дружный хохот еще долго звучал у меня в ушах, когда я, забравшись в свою жалкую нору, распарывал грубый шов, заывая от ярости и боли. Именно тогда я и поклялся, что непременно отомщу им всем и прежде всего – моему «любящему» кровному брату Одину. Они мне сполна за все заплатят, заплатят кровью, твердил я себе.

Губы зажили быстро. Боль прошла. Но шило Брокка было, видимо, наделено магической силой, а потому на моих губах остались неуничтожимые отметины. Девять аккуратных перекрестных шрамов, которые со временем стали отливать серебром, но так до конца и не исчезли. С тех пор моя улыбка никогда уже не была такой искренней, как прежде, да и в душе моей завелось нечто вроде комка колючей проволоки, которая то и дело начинала шевелиться и беречь мои душевные раны. Никто из богов, впрочем, об этом даже не подозревал. Разве что Один, который часто поглядывал на меня с тревогой единственным зрячим глазом, но я прекрасно знал, что его моральные качества столь же сомнительны, как и мои собственные.

А остальные боги, похоже, решили, что я обо всем позабыл. Но я и не думал забывать. «Хороша ложка к обеду» – кажется, так говорят люди. Да, я мог бы спасти все Девять Миров. Да, я мог бы предотвратить Рагнарёк. Но тогда моя «ложка к обеду» не понадобилась: эти боги, проявив неслыханное высокомерие и алчность, отчетливо дали мне понять, что я никогда не стану одним из них и они в моей помощи не нуждаются. Ну что ж, я прекрасно все понял. Я понял, что всегда был и буду одинок среди них. О да, в тот раз я отлично усвоил преподанный мне урок!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.